

Доц. Я. Юферев.

Крестьянское движение в России в конце 70-х и в 80-е годы XIX века

I

Крестьянское движение после реформы 1861 г. изучено еще очень мало. Дворянская и буржуазная историческая наука сознательно замалчивала факты крестьянской борьбы против самодержавия и помещиков. Покровский и его антимарксистская «школа» также игнорировали классовую борьбу в пореформенной деревне, ограничиваясь «изучением» конъюнктуры цен на международном хлебном рынке. Покровский и его «школа» протаскивали, по существу, меньшевистские и троцкистские представления о крестьянстве, как о консервативной силе, стоящей в стороне от освободительной борьбы трудящихся с самодержавием и крепостничеством.

В. И. Ленин и И. В. Сталин показали настоящую роль и место крестьянства в революционной борьбе и глубокие источники революционности крестьянства, в частности, глубокие источники революционности крестьянства в послереформенное время. Но Покровский и его «школа» игнорировали и замалчивали высказывания Ленина и Сталина, не изучали борьбу крестьянства.

В настоящей статье автор ставит перед собой скромную задачу: отправляясь от анализа экономического и классового положения крестьянства после реформы 1861 г., данного В. И. Лениным в трудах «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России в конце XIX века» и др., показать факты крестьянской борьбы в наиболее глухое время крепостнической реакции, связанной с именем царя Александра III, когда, по утверждениям Покровского и его «учеников», ни о каком крестьянском движении не могло быть и речи. Автор стремился, вместе с тем, показать ограниченный характер крестьянской борьбы, пока она оставалась вне руководства рабочего класса. Наконец, автор поставил своей задачей фактами доказать, что народники, претендовавшие на роль крестьянских вождей, не только не подымали, но тормозили развитие крестьянской борьбы, затемняли крестьянское политическое сознание.

Каковы источники революционности крестьянства в пореформенное время, какое место занимает крестьянское движение в общей борьбе трудящихся против «злейшего врага народа» — самодержавия и крепостничества?

В классовой борьбе за ликвидацию крепостного права в России, — писал В. И. Ленин, — выявились две исторические тенденции, две

исторические силы, которые определяли тогда «Исход борьбы за новую Россию» — либеральная и демократическая тенденции. «Эти же исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19 февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее». С 90-х годов во главу освободительного движения становится пролетариат. «За социалистическим авангардом пролетариата начало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года и революционно-демократическое крестьянство» (Ленин, т. XV, стр. 145—6).

История крестьянского движения пореформенного времени есть, таким образом, история развития демократической тенденции, история нарастания крестьянской революционности и подготовки союза революционно-демократического крестьянства с социалистическим пролетариатом.

Источники революционности крестьянства лежали в характере реформы 1861 г., в характере экономического развития России после отмены крепостного права.

Крестьянская реформа 1861 г. представляла собой, — писал В. И. Ленин, — «первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии», «помещичью чистку земель для капитализма» (т. XI, стр. 378).

Невозможность для крестьянства без помощи и руководства рабочего класса революционным путем уничтожить крепостное право и помещичье феодальное землевладение обусловила отмену крепостного права в России «сверху». Реформа 61-го года была проведена помещичьим самодержавием, в интересах помещиков. Самодержавие легко справилось с крестьянскими «бунтами» конца 50-х и начала 60-х годов и результатом его победы явилось то, что развитие капитализма в России пошло по «прусскому пути», когда «помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной кабалы и экспроприации при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» (крупных крестьян)» (Ленин, т. XI, стр. 349). «Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России» (Ленин, т. XV, стр. 109).

Обезземеленное в результате «освобождения», обязанное платить в пользу помещиков миллиардные выкупные платежи, подати и налоги в пользу самодержавия, крестьянство было оставлено особым, низким сословием с ограниченными имущественными и личными правами, целой системой внеэкономических мер было привязано к наделу, к деревне, к помещичьему хозяйству. Для крестьян «оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве, с той лишь разницей, что теперь крестьянин был лично свободен, его нельзя было продать или купить, как вещь». («Краткий курс истории ВКП(б)'). Такое положение неизбежно должно было толкать крестьянство на борьбу за землю, за свободный труд. «Громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства

как массы». (Ленин, т. III, стр. 11). В то же время в среде самого крестьянства все более обнаруживалось «внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских пролетарских тенденций внутри нее». «Ничтожное меньшинство и мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния». (Ленин, т. III, стр. 11—12). В условиях капиталистического окружения деревня после реформы 1861 г. неудержимо раскалывалась на кулаков и бедноту, пролетариев. «В общине господствовали кулаки «мироеды», эксплуатировавшие бедняков, батраков и маломощных середняков» («Краткий курс истории ВКП(б)»).

В книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» В. И. Ленин писал, что крестьянство России после реформы 1861 г. попало под двойной гнет: «Со стороны помещиков — по наделу» и «со стороны капиталистов — по «заработкам». «Это состояние мелких производителей, подвергающихся двойной эксплуатации и притом поставленных в такие житейские условия, которые необходимо порождают забитость и придавленность», отнимало «всякие надежды не только на победу, но и на борьбу класса угнетенных», пока капитализм не разрушил это полусредневековое положение крестьянских масс.

«Капитализм, — писал В. И. Ленин, — развиваясь с громадной быстротой в течение всей пореформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России, — патриархальное, полукрепостное крестьянство, вырывать его из средневековой, полуфеодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто капиталистическую, заставляя его бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой, разрывая порабощение местному «работодателю» и показывая, в чем лежат основания эксплуатации вообще, эксплуатации классовой, а не грабежа данного аспиды... Капитализм стал массами втягивать остальное, забитое и задавленное до скотского положения крестьянское население в водоворот все уложняющейся общественно-политической жизни»... (т. I, стр. 149).

И чем больше вырисовывались для крестьян результаты реформы и развития капитализма в условиях господства в деревне помещичьих латифундий, тем активнее становилось крестьянство в антикрепостнической демократической борьбе.

II

После реформы 1861 г. крестьянское движение не прекращалось ни на один год, но более широкое распространение оно получило с конца 70-х годов.

Значительный толчок к нему дала русско-турецкая война. Ожидания тогдашних реакционеров, что война разрядит внутренние противоречия, не суждено было осуществиться. Шовинистические панславистские крики не могли накормить голодных крестьян.

Война оживила мечты о земле, о царской милости, которая должна была последовать за жертвами Плевны и Шипки. Вместе с войной разнеслись слухи о скором выходе нового «положения». Солдаты, возвратившиеся с фронта, укрепляли веру крестьян, подтверждая эти слухи. Нельзя отметить ни одной губернии, где бы не было толков о новом сплошном переделе всей земли. Намечались конкретные сроки передела — все они падали на лето 1879 г. Смоленские крестьяне, например, ждали выхода нового «положения» к «троице» этого года.

Пропаганда ранних народников, политические процессы, покушения на царя и казни революционеров усиливали беспокойное настроение деревни. Каждое политическое событие преломлялось в крестьянском сознании через его заветную мечту о земле, о снижении податей, в каждом из них крестьяне видели подтверждение основательности своих надежд.

Выполнение мечты и осуществление своих надежд крестьяне пока что возлагают на царя («всеобщее равнение» — его специальная функция). Но наряду с этим даже подцензурная пресса отмечает и факты отказов крестьянами от заключения арендных договоров с помещиками, оттяжки платежей, невыполнения ранее взятых перед землевладельцами обязательств и т. п. (см., например, Энгельгард, Письма из деревни). Подпольная пресса дает более яркую характеристику движения. В той же Смоленской губернии, о крестьянах которой писал Энгельгард, «за последние годы ненависть к барам, — передает корреспондент «Черного передела», — в некоторых местностях начинает переходить из пассивной в активную. Поджоги помещичьих усадеб, а главное гумен, дело самое обыкновенное... и участвует обычно вся деревня» (Пам. агит. лит. — «Черн. передел» № 3). В Красниковском уезде этой губернии только по поводу размежевания одновременно возникло 5 крестьянских дел по сопротивлению помещикам и полиции (Лоция М. В. Д. Зем. отд., 1878 г., № 94). Аналогичную картину рисуют корреспонденты «Черного передела» из Полтавской, Симбирской и других губерний. Не только слухи и поджоги, но и настоящие крестьянские волнения возникают в самых различных губерниях и по самым различным поводам. В Черниговской губернии, в Сосновском уезде крестьянские волнения распространились на почве размежеваний помещичьих и крестьянских земель. Крестьяне некоторых деревень оказали сопротивление полиции и межевым чинам и только военные репрессии привели их в повиновение (Лоция, 1878 г. № 74). В Уманском уезде крестьяне волости Лысенки самолично срубили лес, захваченный у них по «закону» генералом Краснокутским. Становой пристав и урядники избиты, для усмирения были введены войска, «зачинщики» переданы военно-полевому суду («Ист. вестник», 1905 г., № 11).

В Дисненском уезде в Луцкой и Полтавской волостях крестьянские волнения происходили на почве переселений. Здесь еще в начале 70 годов началась самочинная подготовка к переселению в Бугурусланский уезд. В тот момент, когда «заботами начальства» переселенческие стремления были уже охлаждены, в Полтавскую волость возвратился из Петербурга отставной солдат. Жена солдата обя-

вила крестьянам, что царь велел «равнять землю». Волость отказалась платить подати. Волостное правление и становой пристав, пытавшиеся успокоить крестьян, были избиты. «Все обаяние власти пропало в глазах толпы», — замечает автор рассказа и очевидец событий А. Лебедев. Явились постоем солдаты, «обаяние власти» было восстановлено, но крестьянский агитатор — солдатка и тогда не была выдана войскам. («Русская старина», 1905 г., № 4 — «Как возник. переселен.»).

В Таврической губернии, в Байдарской долине крестьяне-татары 12 деревень при размежевании их земель с поместьями графа Мордвинова уничтожили межевые знаки, избили полицию. Губернатору, пришедшему с воинской командой на усмирение, крестьяне заявили, что «пока будут живы, до размежевания не допустят» (Лоциа, 1878 г., № 81).

В Минской губернии в том же 1878 г. начались крупные волнения в деревнях, соседних с имениями князей Радзивиллов. Имения этого князя и «генерала свиты его императорского высочества Вильгельма» были разбросаны на огромном пространстве трех уездов. Когда Радзивилл приступил к взысканию штрафов за самовольные порубки леса, крестьяне нескольких деревень захватили княжеские земли — сенокос, выгоны, лес, участки пашни, отказались платить оброки за 10 тысяч десятин. Примеру крестьян последовали арендаторы, съемщики княжеских земель и явочным путем перестали вносить арендную плату.

В Слуцком уезде такой же участи подверглись имения помещика Витгенштейна. Арендные волнения широко распространились по западным губерниям — Ковенской, Виленской и другим. (Лоциа, 1878 г., №№ 8, 81). Захваты помещичьих земель имели место в центральных и в восточных губерниях: в Нижегородской губернии крестьяне захватили земли графа Толя (Лоциа, 1878 г.), в Челябинском уезде 6. государственные крестьяне волостей Куртамышской, Становской, Курмышской, Каменской и Заманиловской, при переводе их в разряд «собственников», захватили казенные леса, произвели в них самовольные порубки, отказались вносить оброчную подать, страховые взносы и лесной налог. «Порядок» вводи́ла, как везде, воинская команда — казачья сотня. (Лоциа, 1878 г.).

Кроме волнений крестьян, возникавших на почве поземельных отношений, за 1878 г. имеются факты, хотя и менее многочисленные, когда крестьяне, еще не переведенные на выкуп, отказываются нести издельные повинности в пользу помещиков, не платят податей и недоимок, самовольно переизбирают сельское крестьянское начальство и т. п. В этом же году началось массовое волнение среди татар, башкир, мордвы и чувашей в губерниях Казанской, Самарской, Вятской и Уфимской. О них будем говорить в другой связи. (Лоциа, 1878 г. №№ 15, 16, 69).

Не ослабевает крестьянское движение в 1879—1880 гг. Воронежский корреспондент «Голоса» в связи с сенаторской ревизией так описывает взаимоотношения помещиков и крестьян этой губернии: «Нельзя перечислить сущности и разнообразия земельных дел, так много их в нашей губернии. Достаточно упомянуть про дела слободы

Лосевой, села Афонькина, Казачьей писцовой дачи и пр. и пр., где были и бурные сцены и громадные издержки на адвокатов, и вообще все, что искони парализовало спокойствие землевладения и мешало улучшению быта крестьян (!) враждующих между собою и с частными землевладельцами — помещиками» («Голос», 1881 г., № 13). Бурные сцены, по описанию того же корреспондента, это столкновения крестьян с землемерами, с полицией и т. п.

Воронежская губерния, конечно, не являлась каким-либо резким исключением. Захваты помещичьих земель, урожая, лесов, выгонов, отказ платить подати по окладным листам и т. п. широко распространялись в эти годы по губерниям Симбирской («Юрид. вестн.», 1881 г., № 1 — судебная хроника), Пензенской, Вятской, Казанской, Саратовской, Могилевской, Виленской и др. (Лоща, 1879 г., № 1, 1881 г. №№ 1, 8, 13, 14). «Листок народной воли» (№ 3, 1880 г.) отмечает, что столкновения крестьян с помещиками, оканчивающиеся вводом в села войск и преданием суду «упорствующих», особенно часты в южных губерниях. Только в апреле и мае, в одной Черниговской губернии «Листок» отмечает волнения в Черниговском уезде, в Новгород-Северском уезде в имениях графа Голицына, в селах Солоповка и Автузчины Борзянского уезда. Большинство волнений Черниговской губернии были быстро подавлены и войска через месяц, полтора «победоносно возвратились в свои части» («Русск. ведом.»). Только в Борзянском уезде отряды были оставлены на неопределенное время. Литература партии «Народная воля» и «Черный передел» подобные факты отмечает в Ставропольской, Псковской, Полтавской, Волынской и Киевской губерниях. «Черный передел» отмечает массовый аграрный террор также в Тамбовской губернии. Там имущество некоторых помещиков не страхует ни одно страховое общество; в Козловском, Липецком, Борисоглебском и др. уездах распространена крестьянская «стачка» — отказ от найма, от выполнения договоров и т. п. («Черный передел» № 5).

Одним из наиболее шумевших (но не исключительным) дел по крестьянским волнениям является дело люторических крестьян, бывших крепостных графа Бобринского (Бобрики, Московской губ.). Еще при проведении реформы посредник Толмачев заявил, что введение уставных грамот с таким размером повинностей будет причиной целого ряда волнений, и что в этих имениях придется тогда постоянно держать целые полки солдат, потому что уверить крестьян, что так следует по закону никто не в состоянии. Земли графа железным кольцом охватили село Люторич, вследствие чего многочисленное, обнищавшее население должно было попасть в полную кабалу к «зубастой щуке» — управляющему имением.

Опутывать крестьян «законными средствами на законных основаниях» так, чтобы «свести стоимость труда для хозяина почти к нулю» — на этих правилах держалась система пореформенного хозяйства графа Бобринского.

Как заключались с крестьянами договоры по аренде, хорошо покажут один-два примера: за одолженные крестьянину 59 рублей неустойка по договору определяется в 30 руб. за 7 просроченных дней, при просрочивании на большее время в неустойку включают-

ся жилая изба, 3 лошади, корова и вообще все, что найдется у крестьянина. В этом случае мы имеем пример того, как отдельный крестьянин превращается в вечно-кабального. В практике графа Бобринского были более интересные случаи, вроде такого, когда «вся деревня Михайловка продала все свое имущество Фишеру (управляющему графа) с тем, что если он, Фишер, согласится, то они могут выкупить это имущество «отработавши ту работу, которую Фишер пожелает указать». Подобные «договоры», естественно вели к множеству судебных тяжб. К половине 70-х годов контора графа успела завести с крестьянами 400 судебных дел, в 1875 г. только по 18 делам — тяжбам Люторичи уплатили конторе графа 5895 руб.

К 1879 г. Люторичи вконец задолжали своему помещику. В апреле начались описи крестьянского имущества. Крестьяне встретили описчиков в колья. Введенные в село войска привели «бунтовщиков» в покорность, до 200 «зачинщиков» попали на скамью подсудимых (см. о Лютор. деле «Юрид. вестн.», 1881 г., № 2 — хроника угол. суда).

Одновременно с описанными фактами возникли волнения среди казаков Хоперского, Донецкого и Черкасского округов. Волнения в области войска донского были направлены против введения в области земства и земских повинностей и платежей и против расхищения казачьих лесов.

В некоторых станицах (Луганская и др.) введение земских учреждений и распоряжение о передаче лесов в ведение земства, были встречены открытым сопротивлением. «Устройство» Донской области немало озабочивало правительство и было закончено уже при Александре III только в 1883 г.

Голод, охвативший в 1880 г. южные и восточные губернии, промышленный кризис и массовая безработица, принявшая невиданные размеры из-за постоянного наплыва в города сельского пролетариата и ищущего спасения от голодной смерти крестьянства, еще более обострили положение.

В городах эти массы бездомного, часто беспаспортного населения, выброшенного на мостовые промышленных центров крестьянства, босых, были движущей силой голодных бунтов, прокатившихся по городам России. Характерен в этом отношении Ростовский бунт 2 апреля 1879 г., где арест пьяного мастерового явился искрой, которая взорвала ярмарочную толпу. «Охранители» тогда еще не додумались до такого громоотвода, каким являлись в начале 80-х годов еврейские погромы, и ярость масс обрушилась на головы блюстителей порядка. Толпа избила полицейских, разгромила полицейское управление и разграбила квартиры полицейских чинов. Одновременно с выстрелом Соловьева в Александра II в Питере, ростовцы растерзали в полицейском управлении царский портрет.

III

Ни «диктатура сердца» Лорис-Меликова, имевшая своей основной политической задачей борьбу с революционно-демократическим движением, ни политика решительного подавления всяких «поползновений» на помещичью собственность и ничтожных уступок, проводимая

Дм. Толстым и Бунге, не сломили упорства крестьян в их борьбе за землю.

Волна крестьянского движения в 80-х годах нарастала из года в год, чтобы с неизмеримо большей силой подняться уже в начале XX века в виде массового крестьянского движения.

По полицейским сведениям, из архивов министерств внутренних дел, юстиции, государственных имуществ и др., сведениям, вероятнее всего, преуменьшенным, особенно за первые восьмидесятые годы (что отмечают и сами составители сведений), за 10 лет было 541 случай крестьянских «беспорядков», оканчивающихся, обычно, вводом в села экзекуционных команд.

В 1881 г. — отмечено 17 случаев крестьянских волнений; в 1882 г. — 21; в 1883 г. — 61; в 1884 г. — 68; в 1885 г. — 40; в 1886 г. — 53; в 1887 г. — 34; в 1888 г. — 94; в 1889 г. — 94; в 1890 г. — 59 (Моск. Архив Рев. Дп. 2-е делопр. 1888 г. № 34; 1891 г. № 66, т. I).

Из местностей, которые больше всего были охвачены крестьянскими волнениями, выделяются западные губернии, а также губернии Киевская, Полтавская, Черниговская и Харьковская и центральные черномоземные губернии.

По отдельным губерниям из общего числа крестьянских волнений было в Люблинской — 18, в Виленской — 15, Минской — 25, Могилевской — 19, в Подольской — 24, Полтавской — 21, в Черниговской — 13, Екатеринославской — 12, в Гродненской — 13, Орловской — 15, Уфимской — 23, в Витебской — 9, Вологодской — 11, Вятской — 18, Казанской — 9. Таким образом, крестьянское движение в пореформенное время начало раньше всего и более резко проявляться в тех губерниях, где более всего чувствовалось крестьянское малоземелье, где крестьянские земли более всего были обрезаны по «положению» 1861 г., или там, где крепостническая эксплуатация сочеталась еще и с гнетом национальным.

Борьба за возвращение крестьянам той земли, которой они владели и пользовались искони, т. е. требование возвращения отрезков, и самовольные захваты помещичьих земель или, в случаях «отграничения» земель государственных крестьян и бывших крепостных от казенных и помещичьих земель, стремление сохранить в крестьянском владении те участки, которые намечались к отмежеванию по уставным грамотам, являются главным содержанием крестьянского движения в 80-х годах.

В гораздо меньшей степени волнения возникали на почве сбора налогов, общинных переделов и т. п.

Записка департамента полиции «О крестьянских волнениях в империи» (М. А. Р. Дп., 1888 г., № 34) за время с 1 марта 1881 г. до 1887 г. дает следующее процентное соотношение причин, вызвавших сопротивление крестьян властям.

Из общего числа крестьянских волнений 1881 — 1886 гг. 65 возникли при отрезке крестьянских земель; самовольные захваты помещичьих земель, лугов, выгонов, лесов и т. п. имели место в 165 случаях. Остальные волнения (102 случая) были вызваны взысканием податей и недоимок, «выборами» неугодных крестьян лиц в мирское самоуправление, религиозными и национальными преследованиями.

Аграрные «беспорядки» составляют, таким образом, 66% от общего количества крестьянских волнений.

Для иллюстрации характера аграрной борьбы в изучаемое нами время, приведем несколько примеров крестьянских выступлений по материалам, взятым нами из архива министерства внутренних дел (Лоциа, МВД, земск. отдел., 4-е дело и из архива департамента полиции (М. А. Р.).

Пензенская губерния не отмечена среди губерний, где наиболее широко развернулось крестьянское движение, и все же губернатор в донесениях министерству внутренних дел пишет, что в губернии заведено «бесчисленное количество земельных тяжб», возникших главным образом, при размежеваниях. Тяжбы кончаются обычно не в пользу крестьян и это приводит их «к самоуправству, неподчинению властям, к противодействиям с применением насилия». На этом общем фоне и возникло «дело» крестьян села Студенки, Нижне-ломовского уезда. Началось оно с размежевания крестьянских и помещичьих земель. Крестьяне обратились вначале с жалобой в окружной суд, затем в сенат, снова в окружной суд и т. д.

Решением окружного суда «во владение княгинь Голицыных, не имевших до размежевания никакого земельного участка в Студенской даче, отрезана часть пашни, находившаяся в составе сел Мокро-го Мичкаса и Студенки, и часть казенного леса, который хотя и не был отведен крестьянам, но который они привыкли считать своим. Во владении помещика Русакова отведен близ села Мичкаса береженный крестьянами села лес, который теперь Русаковым уже вырублен. Купцу Пастушкову, имевшему в селе Студенки винокуренный завод, прирезан участок к этому заводу узкою полосой, преградившею свободный прогон на поля крестьянских стад, господину Фролову (арендатор помещичьих земель) нарезан участок поперек поля крестьян села Студенки, которым прегражден прогон крестьянского скота к полям. Участок этот нарезан Фролову потому, что он владел здесь выстроенной им купальней и суд не нашел возможным нарушить правило приурочивать нарезку земель «к существующей оседлости». (Из донесения губернатора).

Трогательное единодушие окружного суда и сената с помещиками, купцами-арендаторами и кулаками в грабеже крестьянских земель, которыми студенцы владели, по их словам, «со времени Пугачева», при котором были сожжены помещичьи крепостные акты на эту землю, привело крестьян к тому, что они судебному решению не подчинились и захватили хлеб с полей арендаторов, причем избили полицию и уездного исправника. Усмирять приехал пензенский вице-губернатор. Студенцы встретили его стоя на коленях, но после его отъезда избили лесную стражу и, захватив 300 десятин пашни, засеяли ее на себя.

На уговоры властей крестьяне отвечали, что «предки их стояли дружно за землю и пользовались ею. Теперь надо им постоять за нее» (губерн. отчет).

Описанные события произошли в 1879 г. Волнения, начавшиеся в других селах уезда и в других уездах губернии — Наровчатском

и Мокшанском и общеполитические события в стране в 1880—1881 гг., отвлекли на некоторое время внимание властей от села Студенки.

Из окрестных сел волнение приняло более острый характер в соседнем со Студенками селе — Мокрый Мичкас. В январе 1882 г. Игнатьев (министр внутренних дел) дал распоряжение о вводе воинской команды в Мичкас, но губернатор пока ограничился тем, что стянул сюда всю уездную полицию.

В июне 1883 г. студенты и крестьяне Мичкаса толпой до 350 человек, вооруженные ружьями, вилами, косами и т.п., напали на владения кн. Голицыной и отняли сено. Один из караульщиков княжеского имения был убит, управляющий «счастливо скрылся», а из нападающих двое ранены.

Первого июля губернатор ввел в Мокрый Мичкас батальон войск и 2 роты в Студенки.

Ввод войск в количестве нескольких рот губернатор мотивировал необходимостью на этих селах Нижне-Ломовского уезда дать пример крестьянам других уездов и «восстановить в губернии авторитет власти», так как слух о вводе войск и расправе «быстро разнесся по губернии». Студенские и мичкасовские крестьяне бороться с войсками не могли, проявили опять, как в 1879 г. полную покорность, но зачинщиков не выдали и борьбы не прекратили. С уходом войск возобновились те же явления. Еще целое десятилетие и, конечно, безуспешно отстаивали крестьяне свое право на землю. (Люциа, 1879 г. № 12).

Подобную же картину рисует в донесениях министерству внутренних дел Минский губернатор. «В некоторых уездах вверенной мне губернии, — пишет он 25 июня 1881 г., — в последнее в особенности время, начали возникать беспорядки в среде крестьян, выражающиеся в самовольном захвате владельческих земель и в стремлении насильно удержать их за собой».

С 1880 г. крестьянские волнения прокатились почти по всем уездам Минской губернии — Чериковскому, Быховскому, Оршанскому, Мстиславскому, Горецкому.

В Чериковском уезде крестьяне села ст. Буда захватили лес помещицы Ракус-Суцевской. «Увещевания местных волостного старшины, станового пристава, исправника и непрямого члена уездного покрестьянским делам присутствия не имели должного успеха». Суд восстановил «нарушенное владение», но крестьяне не только не вносят определенного судом штрафа, но вновь рубят лес, вновь сопротивляются властям и избивают землемеров.

В Быховском уезде крестьяне, бывшие крепостные помещика Прасольного, сначала попытались вернуть себе землю через суд, а когда суд отказал в иске, уничтожили межевые знаки, выгнали свой скот для пастбы на помещичьи поля, зимой захватили участок леса, а в период весенних работ не допустили на захваченные поля помещичьих рабочих и избили полицию.

В Оршанском и Горецком уездах крестьянские волнения происходили в имениях Фон-Валя и Любомирского: крестьяне прекратили платить арендную плату, подняли судебные иски на помещиков, будто бы «незаконно» захвативших их земли, организовали ходатайство губернским и центральным властям. Одно из прошений, направленное

крестьянами в министерство внутренних дел, было подписано 3 тысячами крестьян. И судебные иски и прошения в министерство остались, конечно, неудовлетворенными. Тогда начались самовольные захваты земель и отказы от взноса арендной платы. Такой же характер имели крестьянские волнения и по другим уездам губернии (Лоция, 1881 г., № 1, 1884 г., № 3).

Большие волнения происходили в Вятской губернии, населенной почти исключительно бывшими государственными крестьянами.

С переводом бывших государственных крестьян в разряд «собственников», по северо-восточным губерниям с 1868 г. началось отмежевание крестьянских земель, выдача владенных записей и определение размера оброчных податей.

Орловский уезд, где волнения приняли более затяжной характер, был отнесен к разряду малоземельных, с низкой наделной нормой и отмежевание превратилось в узаконенный грабеж крестьянских земель, лесов (пашня здесь не имела большой стоимости), путем перевода их в казенный земельный фонд. В 1879 г. «крестьяне Смирновской волости оказали сопротивление межевым чинам по составлению и выдаче владенных записей при отграничении лесных наделов, требуя, чтобы им была отведена в надел вся лесная дача, из которой, за наделом крестьян этой волости, около 8½ тысяч десятин, должно остаться в казне. (Донесение губернатора).

Для «успокоения» волости губернатор отправил комиссию во главе с исправниками орловским и котельническим, но и в присутствии комиссии крестьяне до межевания не допустили. На вызов губернатором наиболее активных крестьян в Вятку, волость ответила, что никаких бумаг принимать не будут и что «губернатор не царь, пусть сам едет». Губернатор приехал и, чтобы не допустить распространения волнения по губернии, для «разъяснений» и «внушений» была одновременно в волость послана воинская команда «с целым возом розог» («Голос», 1880 г., № 18). Для «внушения» на экзекуцию были приглашены все старшины и старосты уезда.

Все же из Смирновской волости в 1880 г. движение перекинулось в волости соседние — Верходворскую и Посадскую. Губернатор теперь докладывает, что «в делах земельных крестьяне упорны и подчиняются только силе» и вынужден признать, что и сила, т. е. воинская команда 1879 г. и экзекуция не дали «желаемых результатов». Конфликт затягивался. В министерствах внутренних дел и государственных имуществ начинается переписка по вопросу об уступках, которые привели бы крестьян в повиновение; Лорис-Меликов, не доверяя губернатору, посылает в Орловский уезд особого чиновника от министерства внутренних дел.

Прежде чем чиновник приехал на место, крестьяне Посадской волости произвели новые «беспорядки» — избили и прогнали межевых и полицейских чинов и уничтожили все межевые знаки.

В бунтующие волости вновь отправлена военная команда. 21 апреля 1881 г. Игнатьев (тогда еще министр государственных имуществ) писал, что лесную дачу в Посадской волости, возможно, придется отдать крестьянам под предлогом чисто формальных соображений об отмежевании этой дачи крестьянам будто бы Екатериной II.

В том же 1881 г. Игнатьев (теперь министру внутренних дел) вятский губернатор писал, «что упорство крестьян Посадской волости чрезвычайно дурно повлияло на крестьян этой местности и парализовало там всякое значение местной администрации». В этом же докладе губернатор просит снизить подушные подати и недоимки с крестьян Слободского уезда, так как «сбор оклада во всей полноте может вызвать справедливое неудовольствие местного населения».

В Слободском уезде в это время уже произошли крестьянские волнения в Шальговской волости.

Внушить крестьянам всю полноту их «заблуждений» в отношении их прав на землю и показать «силу и решимость» власти выпало на долю нового министра Дм. Толстого. Теперь в Посадскую и Шальговскую волости был командирован «свиты его императорского величества» генерал Тучков — «гонец от императора» с военной командой, которой был придан и хор военной музыки. Прибыв на место и «прослушав божественную литургию», «гонец от государя императора» быстро справился со своей задачей. Уставные грамоты, не подписываемые крестьянами в течение четырех лет, теперь были подписаны в 2 дня. (Лоща, 1879 г., № 1).

Крестьянское движение, возникшее на почве аграрных отношений и податного гнета, усиливалось в России — тюрьме народов — крестьянским движением на почве национального гнета. В национальных колониальных районах крестьянское движение против крепостнического и национального гнета русских помещиков и самодержавия и их союзников — туземных князей, мурз и мулл, приняло в 80-х годах наиболее острые формы на Кавказе и среди народов Поволжья.

На Кавказе, где крестьянская реформа проводилась крайне медленно, где остатки крепостного права и феодальной кабалы были особенно тяжелы, крестьянское движение в течение 60—70-х годов не раз принимало форму массовых восстаний. В 1866 и 1877 гг. восставали крестьяне Абхазии, в 1876 г. — Мингрелии, в 1878 г. восстание охватило Чечню и Дагестан. Для усмирения непокорных горцев, хранивших память о Шамиле и традиции беспощадной борьбы против колонизаторов, русскому самодержавию пришлось вести настоящую войну и терроризовать горское население массовыми расстрелами, выселениями непокорных в Сибирь, контрибуциями и т. п.

Восстания семидесятых годов были подавлены, но крестьянское движение на Кавказе не прекращалось. Оно приняло в 80-х годах форму крестьянских «беспорядков», аграрной мести, захватов помещичьей земли, сопротивления полиции и т. п. Несмотря на все расправы, Кавказский наместник Дондуков-Корсаков в 1887 г. доносил в министерство внутренних дел: «Стесненность местных сельчан в земельном их довольствии настолько обострила отношения владельцев к крестьянам, по мере увеличения цен на землю, что насильственные действия и аграрные преступления составляют на Кавказе обыденные явления» (Лоща, 1887 г., № 3). В Поволжье крестьянские волнения приняли в конце 70-х и начале 80-х годов широкий размах среди татарского, башкирского, чувашского и мордовского народов. Узаконенная положением о реформе экспроприация крестьянских земель в пользу

помещиков и государства в поволжских и завожских губерниях и в Башкирии приняла в 70-х годах особенно хищнический характер. Татар и башкир, все еще владевших большими земельными пространствами, переводили на общих с государственными крестьянами основаниях в разряд «крестьян собственников». Вотчинные башкирские и татарские земли отмежевывались десятками тысяч десятин по цене 7 рублей за десятину лучшего чернозема и леса или совсем бесплатно и поступали в «аренду» и собственность «великих и малых» князей, чиновников из высшей бюрократии, помещиков и кулаков. Расхищение этого земельного фонда, переведенного из собственности башкир в казну, в Уфимской, например, губернии приняло такие бесстыдные, даже с точки зрения самодержавной законности, размеры, что правительство вынуждено было послать сюда своих ревизоров для ликвидации особенно неприкрытого грабежа и дало отставку особенно скомпрометировавшим себя сановникам.

Тяжелым бременем лежали на татарском и башкирском населении налоги. Неиссякаемым источником являлось инонациональное население и в этом отношении.

Волна великодержавного шовинизма, особенно поднявшаяся со времени русско-турецкой войны 1877—1878 гг., широко захватила Казанскую, Самарскую, Вятскую и др. губернии с татарским и башкирским населением. Потерпев поражение под Константинополем, «доблестные» унтер-офицеры, с удвоенной энергией проявляли свои «геройства» под мусульманской Казанью. Издевательства над татарами и избиения мусульман приняли массовый характер. На этой почве усиленной экономической эксплуатации и великодержавного шовинизма среди магометанского населения разнесся слух, что «император недоволен султаном и повелел крестить всех магометан, живущих в России», или «что султан и русский царь поделились между собою, султан получает себе всех магометан, а император христиан и поэтому русский царь, не желая отдавать татар и башкир в подданство султану, повелел всех их окрестить». Шовинистская политика самодержавной бюрократии не ограничивалась воспитанием вражды к татарскому населению.

В августе 1878 г. Казанское губернское по крестьянским делам присутствие издало инструкцию по сбору мирских сумм, по которой татарское и башкирское население должно было наравне с русским населением вносить мирские налоги на содержание и «благолепие» христианских церквей, на устройство правительственных школ для татарских детей и т. п. Рассылка инструкции по татарским селам не явилась случайностью, как пытались уверить губернские чиновники после того, как убедились в невозможности осуществить ее из-за протеста татарского населения. В татарских школах — медресе до этого времени преподавали учителя мусульмане по книгам большей частью рукописным, т. е. не прошедшим через цензуру царских чиновников. Преподавание, таким образом, было вне контроля министерства народного просвещения или «святейшего» синода, русский язык в медресе не преподавался. Правительство, стремясь ввести контроль и преподавание русского языка, да заодно «основы богословия» («закон божий» не говорили, надеясь обмануть населе-

ние), организовало правительственные школы для татарских и башкирских детей. По инструкции казанского присутствия обрусительную деятельность русских чиновников должно было оплачивать само же татарское население. Точно так же и в отношении «божиих храмов» инструкция лишь в прикрытой форме выражала общую обрусительную политику самодержавия. В этом отношении всего более далеко пошло Самарское епархиальное управление. Оно объявило всеобщую перепись «иноверцев» и предложило попам и полиции расписать татарские, башкирские и мордовские деревни по приходам православных церквей. В то же время наиболее ревностные исправники некоторых уездов Казанской губернии предписали сельским обществам «в противопожарных видах» повесить на все мечети колокола. Крестьянское башкирское и татарское население правильно поняло все эти меры, как новые попытки руссификации, подготовку «всеобщего крещения» и как новое усиление налогового обложения.

В своих прошениях в министерство внутренних дел, в синод и на «высочайшее имя», они требуют отменить распоряжения исправников о новом натуральном налоге по пожарной охране, инструкцию Казанского присутствия, как определяющую новые мирские сборы и «лишние» общественные расходы, убрать, тогда только что введенных, урядников, оставить их жить попрежнему «в своей вере», со своими школами.

Башкирское население Бугульминского уезда, Самарской губернии рядом с требованием отменить распоряжение Самарской епархии, не вводить новых налогов, убрать урядников, требует отмены обязательного страхования от огня, отмены круговой поруки и протестует против того, что «их везде именуют крестьянами, но что они вотчинники и желают именоваться попрежнему башкирами собственниками».

Начав борьбу, крестьяне-националы не только бойкотируют распоряжения властей, давшие повод к протесту, но и пытаются активно давить на правительство, прекратив с этой целью платежи податей.

Протест, начавшийся внешне на религиозной почве, сразу же принял характер борьбы против экспроприации земель, против налогового и полицейского колониального гнета.

Крестьянское движение в национальных районах Поволжья и Заволжья от всех приведенных нами выше фактов движения отличается, прежде всего, широтой захвата территории. В центральных губерниях мы нередко встречаем, что в одной и той же губернии выступают несколько сел или волостей, так что правительство командует одновременно по различным уездам несколько военных команд, но ни в коем случае мы не наблюдали какой-либо связи между этими селами. В колониальных районах распыленность и политическая несознательность крестьянства до некоторой степени возмещалась общей ненавистью к колонизаторам. Сознание национальной неправомерности сплачивало массы, придавало их борьбе большую организованность. В районе Поволжья, как только разнеслись слухи о намерениях правительства собирать налоги на русские церкви и школы, вслед за Марьясинской и Полянкой волостями Спасского уезда поднялось для протеста все татарское и башкирское население Спасско-

го, Чистопольского, Казанского, Лаишевского уездов Казанской губернии; Бугульминского, Бугурусланского, Ставропольского уездов Самарской губернии, Уржумского, Сарапульского, Елабужского уездов Вятской губернии и перекинулось в Ардатовский уезд Симбирской губернии. Многие волости выступают из солидарности. Татары Вятской, например, губернии выступили против своих местных и уездных властей потому, что узнали, «что Казанские татары сильно озлоблены против правительства, что вследствие сего будущим летом предполагается повсеместное восстание мусульман. И так как Казанские татары решили провести общий бунт и уже его начали — убили исправника и станowego пристава, то и им, татарам Вятской губернии, следует присоединиться к ним и начать избивать своих местных властей и русских чиновников». (Отчет вятского губернатора).

Объединенное ненавистью к великороссийским чиновникам татар и башкир поддерживает мордовское и чувашское население.

«Ведут толпу татары, за ними следует мордва и чуваш» — докладывал спасский исправник.

И в самом ходе борьбы здесь было проявлено больше решимости и организованности. Для примера возьмем ход борьбы в Казанском уезде.

В последних числах ноября 1878 г. в Большой Менгерской волости у волостного правления самочинно собралась толпа крестьян и объявила себя волостным сходом. Сход сместил волостного старшину, всех сельских старост (12 обществ) и заменил их новыми. Исправник и мулла, пытавшиеся остановить сход, были избиты и прогнаны. В эти же дни такие сходы происходили в Атининской, Мамсинской и других волостях. На них также избивалась полиция, смещалось казенное «самоуправление», старшины и старосты заменялись авторитетными среди населения лицами — «подстрекателями», о которых казанский губернатор писал, докладывая о событиях в Спасском уезде, что они «имеют более влияния на крестьян, чем даже волостные старшины и подавляют всякое значение сельских старост. Лучшие волостные старшины совершенно бессильны перед ними и только будучи с ними в хороших отношениях могут иметь влияние на крестьян».

«Самоуправление», созданное реформой 1861 г. с целью удержания крестьян в помещичьей кабале силами самих же крестьян, оказывалось палкой о двух концах. Надо заметить, что не все старосты и старшины смещались или избивались. Многие из них, особенно по Спасскому уезду, оказывались во главе движения и прикладывали свои печати ко всем приговорам, прошениям и т. п. бумагам, которыми крестьяне заваливали губернские и центральные учреждения.

Наметились и более широкие территориальные пункты связи и руководства движением. Одним из таких пунктов являлся Казанский базар — место взаимной информации (сведения отсюда проникали и в Вятскую и Самарскую губернии), но наиболее интересным в этом отношении, был город Чистополь, где было создано что-то вроде штаб-квартиры движения в Чистопольском и Спасском уездах.

Квартиры крестьянина Любимцева (в городе имел свой дом) и мещан Азаметова и Мясникова и рядового запаса Мельникова (все эти люди действовали в контакте между собою) явились местами, куда

сходились крестьянские поверенные от всех волостей этих двух уездов. Отсюда вышло подавляющее большинство прошений крестьянских обществ в министерство внутренних дел и на «высочайшее имя» (всего было подано около 200 прошений). С возникновением этих пунктов крестьяне были всегда хорошо осведомлены, что происходит в других уездах и это же дало возможность для одновременного выступления на большой территории и позволило выработать одинаковые требования. Требования-просьбы, сформулированные в прошениях крестьян, скажем, Казанского уезда, не только дословно совпадают в своих формулировках и обоснованиях с требованиями Спасского уезда, но часто написаны одним и тем же почерком.

Усмирение движения причинило правительству не мало хлопот. Все требования крестьян — об отмене инструкций и распоряжений, о которых упоминалось выше, были удовлетворены, большинство правительственных школ было закрыто самим татарским населением и обрусителям пришлось на время согласиться с таким положением. Дм. Толстой — тогда министр народного просвещения, писал в учебный округ, чтобы татарских и башкирских детей насильно в школы не загоняли. Неудовлетворенными остались лишь своего рода политические требования многих прошений — издавать казенные циркуляры и инструкции на татарском языке и убрать из волостей полицейских урядников.

Уступив, правительство жестоко расправилось с движением: поверенные крестьян, вожаки движения были либо преданы суду, либо высланы в административном порядке в Сибирь. Как намеревалось расправиться губернское начальство с «бунтующими инородцами» — показывают свирепые экзекуции, произведенные в Казанском уезде. В Спасский уезд, фактический центр движения, войска не могли быть направлены, так как команды можно было взять только из Тетюш и Лаишева, лежащих на другом берегу Волги и Камы, которые в этом году долго не замерзали. Это спасло Спасский уезд от экзекуций, но и то, что было произведено губернатором Скарятиным в Казанском уезде, создало ему на несколько лет славу «энергичного» губернатора, а после 1 марта сделало его имя своего рода символом настоящей, в Катковском понимании, правительственной политики в отношении крестьян. (Люция, 1878 г., № 98).

Среди фактов крестьянского движения 80 годов встречаются еще в очень небольшом количестве, такие, где борющимися сторонами выступают различные группы среди самого крестьянства. В основе движения этого рода лежат так же аграрные отношения, но уже другого социально-экономического типа. На почве развивающихся капиталистических отношений в деревне возникает борьба между многоземельными группами (кулацкими, чаще всего хуторскими) крестьян и малоземельными, попадавшими в такую же кабальную зависимость от крестьян первой группы, как и от помещиков, или борьба внутри одной и той же общины, между ее зажиточной и бедняцкой группами за владение общинной землей.

В Воронежской, например, губернии в селе Афанасьевском в течение многих лет происходил спор между личными собственниками — «четвертными владельцами» и общинниками одного и того же села.

Душевой надел общинников составлял от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ десятин, тогда как четвертники имели земли от 10 до 50 десятин на душу и являлись по существу частными землевладельцами — мелкими и крупными буржуа. Стремясь включить земли четвертников в общинные переделы, мало-надельная беднота заводила одну земельную тяжбу за другой во всех судебных инстанциях вплоть до сената и спорная земля не раз переходила из рук в руки. Такого же рода столкновения имели место в Воронежской губернии между крестьянами-общинниками слободы Лосевой и хуторами Шестаковской волости, Павловского уезда. В Задонском уезде зафиксировано несколько случаев, когда крестьянская беднота захватывала хлеб с полей многоземельных хуторян (Лоция, 1880, № 1).

Знакомясь с движением башкир в Бугульминском уезде, мы видим, что одним из требований, предъявленных министерству внутренних дел крестьянами-башкирами было требование отменить круговую поруку и связанные с нею общинные порядки в землепользовании. В прошении необходимость такой реформы мотивирована тем, что беднота при круговой поруке не только не вносит своей части податей, но и запускает земли.

В Чистопольском и Свияжском уездах Казанской губернии в некоторых селах в начале 80-х годов происходили настоящие междоусобные бои между зажиточным крестьянством, перерастающим в кулаков, и беднотой из-за общинных земельных переделов. В селе Мальвины, Косяковской волости после такого столкновения на поле осталось трое убитых и девять раненых крестьян из обеих сторон. Характерно то, что своего рода традиционное в крестьянских волнениях избиение старост, старшин и урядников в этих случаях ведется обеими сторонами и то, что татарское и русское население в смешанных селах и зажиточное и бедняцкое выступает совместно, причем на стороне зажиточных крестьян — противников общинных переделов, оказываются магометанские муллы и христианские попы. И эту форму борьбы муллы пытаются подвести под закон корана, — среди татарского населения они агитировали, что переделы земли несовместимы с учением Магомета (Лоция, 1881 г., № 8). Факты внутриобщинной борьбы на почве периодических земельных переделов имелись в губерниях Вятской, Смоленской, Тамбовской, Таврической и др. Везде борьба принимала резкий характер, часто оканчиваясь ранениями и убийствами (см., например, Лоция, 1884 г. № 3).

В крестьянских волнениях, направленных против общинных порядков, в частности против переделов надельных земель, на стороне противников общины всегда выступает зажиточная, кулацкая часть деревни. Крестьянская реформа, проведенная помещиками в интересах помещиков, была буржуазной реформой, и хотя созданные ею в деревне отношения стесняли здесь развитие капиталистических элементов, община расслаивалась и выделившиеся «гроссбуаэры» больше и скорее почувствовали неудобства круговой поруки и отсутствия права свободного распоряжения землей. Еще в валуевской комиссии 1872 г., приглашенные для показания старшины (в большинстве своем выбиравшиеся из кулаков) все без исключения высказались против общины и круговой поруки.

Приведенных фактов крестьянских волнений достаточно для того, чтобы сделать вывод и о размахе крестьянского движения в 80-х годах и его общем характере. Размах движения ни в коей степени не может быть определен только цифрами полицейской сводки. Подробно изложенные нами случаи крестьянских волнений в Пензенской, Вятской, Казанской и др. губерниях и факты, о которых мы не упоминали, вроде например, движения в Подольской губернии, где в одно лето 1885 г. крестьянским движением было охвачено 4 уезда и в каждом уезде усмиряло крестьян по две роты солдат, или в Тамбовской губернии, где были захваты крестьянами целых помещичьих имений и т. д. — вошли в полицейскую сводку как малозначачие единицы (Лоща, 1885 г. № 4, 1883, № 3).

Надо иметь в виду, что за каждым случаем активного сопротивления стоят несколько соседних деревень и волостей, напряженно следящих за ходом и исходом борьбы сел передовиков, ждущих удобного случая для выступления и оказывающих выступившим селам моральную, а иногда и материальную поддержку. Разъединенные крестьянские выступления всегда всплывали на этом общем фоне крестьянского недовольства, ненависти к помещикам и чиновникам, что и придавало им характер упорства и заразительности. Движение изучаемого нами времени явилось первыми всплесками той обостренной классовой борьбы, которая поднялась в деревне через одно-два десятилетия, но и на этой, начальной стадии оно уже носило характер широко распространенных выступлений. В этом его основное значение.

IV

Крестьянское движение пореформенного времени было, прежде всего, аграрным движением, борьбой против феодального землевладения, против реформы, проведенной крепостниками, за захват крестьянами помещичьих земель и против податного и национального гнета.

Борьба внутри крестьянства еще затушевывается борьбой против помещичьего господства — противоречие между классом помещиков-крепостников и крестьянством в целом являлось еще основным противоречием, хотя в раскалывающейся общине в 70—80-х годах уже возникло и противоречие нового социально-экономического типа.

Каковы методы борьбы крестьянства, насколько могло оно организоваться, какова идеология крестьянской борьбы?

Одним из самых острых вопросов, занимавших правительство и «общество» пореформенного времени, являлся вопрос о крестьянских переселениях. Положение о реформе 1861 г. закрывало для крестьян почти всякую возможность переселяться на законных основаниях до окончания выкупной операции. Спасаясь от кабалы и отработок, не имея сил уничтожить помещичье землевладение на обжитых местах, крестьяне бросали свою «усадебную оседлость», бежали в завожские, сибирские, среднеазиатские губернии и там селились, самочинно захватывая свободную «государственную» землю, нарушая этим и право «священной буржуазной собственности» и закон о выкупе и о владении

наделами. Несмотря на все правительственные меры, в степях и лесах росли новые поселки и правительство, после многолетних проволочек, каждый раз было вынуждено санкционировать новую черту «крестьянской оседлости». В 70—80-х годах самочинные переселения приняли особенно большие размеры — губернаторы почти всех центральных, украинских, западных и даже северо-восточных губерний на запрос министерства внутренних дел отвечали, что законных переселений или совсем не было, или было очень мало, тогда как самовольные переселения носят всюду массовый характер. (Люция, 1886 г., № 6).

Самодержавие объявило крестьянским переселениям беспощадную борьбу.

Весной 1882 г. крестьяне Пакульской и др. волостей Черниговской губернии, после неудачных ходатайств к губернатору и в министерство внутренних дел попытались переселиться «нелегально». Министерство внутренних дел немедленно запретило выдавать крестьянам семейные паспорта, регистрировать сделки крестьян о продаже имущества и т. п. и вернуло на место оставивших свои общества крестьян. Но прекратить переселения министерству не удалось. Тогда за земли, отводимые переселенцам в «аренду» по положению 1881 г. в Самарской и Уфимской губерниях, правительство установило такие оброки, которые во много раз превышали местные арендные цены на государственные земли: вместо 25 коп. с десятины, которые платили арендаторы в Черниговской губернии, в Самарской губернии переселенцы обязывались платить по 2 руб. с десятины (М. В. Д. 1881 г. № 7). Переселенческое движение прорывалось сквозь полицейские препятствия и тогда приводило к массовым столкновениям крестьян с губернскими властями. Так было в 1884 г. в Минской губернии. Шляхтич Дашкевич и отставной солдат Гринцевич разнесли весть, что чиновники скрыли царский указ о переселениях и пособиях от казны. В волостях Новосельской, Пуховической и других Минского уезда собрались сходы крестьян и потребовали выдать «царский указ». В Игумновском уезде крестьяне собрались в уездный город, произвели «буйство» перед уездным управлением полиции и освободили арестованного Дашкевича. Движение перекинулось далее в уезды Бобруйский и Слуцкий. В течение двух месяцев войска разгоняли крестьян, собиравшихся в волостях и уездных городах (М. В. Д. 1884, № 606, 24).

Показательны события в Могилевской губернии. Стремление крестьян переселиться обнаружилось здесь с начала 80-х годов, после того как правительство, не справившись с переселенческим движением из Черниговской губернии, вынуждено было легализировать его и дополнительно переселило в Уссурийский край на казенный счет 2 тысячи крестьян. Получив известие из Черниговщины многие сельские общества Могилевской губернии заявили в губернское присутствие о своем желании переселиться. Губернское начальство ликвидировало тогда широкое переселенческое движение крестьян полицейскими мерами, но остановить полностью переселения не удалось. Одиночные самочинные переселения вновь переросли в массовое движение во второй половине 80-х годов и охватили уезды Чериковский, Климовический, Гомельский, Быховский, Рогачевский. В 1888, 1889 гг. среди крестьян появились агитаторы из самих же крестьян. Они собирали

«сходы по волостям, рассказывали крестьянам географию Сибири, организовали переселенческие партии. «Если нас не пустят переселиться, — говорили крестьяне, — мы сделаем мятеж, как в 1863 году. Тогда паны желали придушить нас, а теперь мы их подушим и будем жить свободнее» (Д. п. 1890 г., № 58, ч. 26, л. 9). Расправилось с переселенцами правительство в 1890 г. 17 апреля Могилевский губернатор телеграфировал в министерство внутренних дел: «Сегодня отправлено в Чериков 3 роты для задержания переселенцев. Намерен подвергнуть телесному наказанию и водворять в места жительства» (там же, л. 1).

На путях следования переселенческих партий к сборным пунктам губернатор расставил жандармские и полицейские отряды. Большинство переселенцев было выловлено и водворено на прежние места, после «соответствующего внушения»; по Чериковскому уезду было порото розгами — «за желание переселиться» 135 человек, за «попытки переселиться» — 223, за наем возчиками к переселенцам — 19, за покупку имущества у переселенцев — 7 человек (там же, л. 16).

Каждое массовое переселение наталкивалось, таким образом, на военную силу самодержавия и было связано для крестьян с полным разорением. Недвижимое имущество — надел, дом и т. п. крестьянин чаще всего не мог легально продать, связанный выкупом и круговой порукой, и продавал его под векселя, чтобы покупатель мог закрепить его за собой путем судебной процедуры. При таких продажах и надел и двор шли за бесценок, ничтожных вырученных денег переселенцу не хватало и на дорогу, а на новом месте его ждала непривычная голая степь без дома, без скота и инвентаря.

Бегство было плохим средством спасения от голодной жизни. Оставшиеся на месте население ищет других способов борьбы с помещичьей эксплуатацией и малоземельем.

Такими способами явились своеобразные крестьянские стачки, т. е. отказ от выполнения издельных повинностей и отработков, неплата по арендным договорам, уход с работы в самый разгар летнего полевого сезона. В Липецком, Котовском и др. уездах Тамбовской губернии, например, крестьяне на сельских и волостных самочинных сходках постановляли не брать у помещиков уборку десятины дешевле 40 руб. и за срыв постановления подвергали «штрейк-брехеров» публичному телесному наказанию («Черн. передел», 1881 г., № 5).

Крестьяне брали в бескормицу задатки по кабальным наймам у нескольких помещиков и затем не выполняли работу ни у одного, уходили в самую горячую пору уборки урожая с работы к другим, более выгодным для них нанимателям, отправлялись на заработки в другие уезды и губернии, плохо выполняли работу, портили, иногда умышленно, помещичий скот и инвентарь. Пореформенное время имело для крестьян и то значение, что теперь узкий круг замкнутой помещичьей вотчины был разорван и молодое крестьянское поколение увидело мир более широким, чем он казался раньше. Патриархальные отношения барина и «мужичков» начали отходить в прошлое. Переуступка в аренду отрезков, сдача земель исполу, наем «кругами» или поденно, пуды «хлебца» и «трешницы», получаемые от помещиков тогда, как уже съедено крестьянами все то, что можно было съесть, перестали в глазах

крестьян иметь вид благодеев доброго барина. Крестьяне начали понимать кабальную полукрепостническую сущность помещичьего найма и это обостряло отношения нанимателей и нанимающихся, придавало им характер классовой борьбы за ту или иную высоту заработной платы, за ту или иную — крепостническую или свободно-капиталистическую форму эксплуатации.

По отношению к государственным чиновникам крестьянская борьба зачастую принимала характер бойкота их распоряжений. В крестьянских волнениях в Вятской губернии в 1879—1883 гг., о которых мы уже говорили выше, крестьяне Смирновской волости, после того как убедились, что силой землю им не отстоять и лесная их дача будет у них отнята с помощью военной команды, направили своих поверенных с прошениями в Петербург, но одновременно отказались не только от дачи, намеченной к отмежеванию, но и от лесных наделов и сенокосных угодий, заявив, что пусть чиновники делают, что хотят, так как сила в их руках.

Но отказавшись от леса, приговора об этом не составили, отказались подписывать какие бы то ни было бумаги, а старосты не приложили к межевым актам своих печатей.

Форму бойкота движение приняло и в других волостях уезда. Деревни Посадской волости также отказались подписывать приговоры, не дали понятых и рабочих на межевые работы, но губернатору заявили, что лес считают своей неотъемлемой собственностью и будут им пользоваться как и прежде.

Ни полиция, ни мировые суды не имели средств побороть «упрямство» крестьян, а для посылки войск ни у губернатора, ни у министерства внутренних дел не было предлога: крестьяне с губернатором «вежливы», спокойны, но стоят на своем.

Именно в этот период борьбы губернатор Троицкий растерянно спрашивал министерство — «Что делать?», а правительство начало разрабатывать вопрос об уступках крестьянам Орловского уезда (предполагалось Орловский уезд включить в разряд многоземельных и таким образом увеличить надельную норму). Межевание в уезде временно было прервано.

В Чериковском уезде Могилевской губернии такой бойкот правительственной политики привел к тому, что в деревне Ст.Буда губернатор должен был держать воинскую команду из 2 рот в течение двух лет сряду. Старобудовцы захватили помещичью землю, объявили ее своею и никакие «увещевания», не могли убедить их в противном. Военная команда «истребила весь крестьянский скот» и птиц, продала в 1883 г. с корня рожь и сено и произвела массовую порку крестьян розгами. Каждый крестьянин, подвергавшийся экзекуции, получал 100 и более ударов.

Крестьяне не хотели сдаться, стачка против действий чиновников продолжалась. Они, как всюду, направляли своих «ходателей» в Петербург, а сами оставили село и попрятались у крестьян соседних деревень. Последние в свою очередь ждали чем кончится борьба Ст.Буды, «чтобы в случае ее удачи самим сделать захваты помещичьих земель». (Губ. отчет).

Интересно, что солидарность крестьян соседних деревень со старобудовцами в этом случае была так велика, что среди них не нашлось покупателя на продаваемые командой рожь и сено.

Усмирители, чтобы сломить упорство крестьян и водворить их на «законное» место жительства, прибегли к последнему средству — подожгли деревню, но на пожар, спасти свои дома, сошлись немногие. Окончательно ликвидировать дело Ст. Буды властям удалось только к 1889 г.

В некоторых случаях крестьяне, вступая в борьбу с помещиками и полицией, не только отказываются признавать те или иные действия и распоряжения чиновников, межевых и т. п., но со своей стороны пытаются воздействовать на власть прекращением нормального платежа податей, выкупных взносов и т. п., бойкотируя ее с этой финансовой стороны. Такие случаи мы уже отмечали в движении крестьян Казанской губернии, они имели место в Пензенской, Могилевской и Оренбургской губерниях.

Переселения, пассивные непризнания отмежеваний, «стачки» и аграрная месть, как ответ на кабальную эксплуатацию и экспроприацию крестьянских земель, не были главными проявлениями крестьянской борьбы. Гораздо ярче в 80-х годах проявился другой вид крестьянских волнений — самовольные порубки, потравы, захваты помещичьих земель и урожаев.

Захватам земли обычно предшествует длинная история борьбы легальными методами. Стремление удержаться на «законной» почве свойственно большинству крестьянских выступлений. Крестьяне ищут способов прикрыть свои действия законными формами — ходатайствами, судебными тяжбами и т. п.

С начала тяжбы земля юридически становилась по владению спорной и как спорную крестьяне захватывали ее на «законных основаниях».

Только тогда, когда тяжба прошла уже через все инстанции, крестьяне на судебные расходы затратили многие тысячи рублей и все же суд решал не в их пользу, борьба принимала характер открытого сопротивления и чаще всего кончалась вводом военных команд, потому что полиция, часто стянутая с целого уезда, оказывалась совершенно не в состоянии «восстановить нарушенное владение».

Во всех случаях, более или менее крупных крестьянских выступлений, полиция терпела полное поражение. В борьбе с нею толпы крестьян иногда до 500—1000 человек пускали в ход не только вилы и косы, но и огнестрельное оружие (см. например о беспорядках в Динабургском уезде, Лоция, 1884 г., № 3).

В Динабургском уезде, на который мы сделали ссылку, после перестрелки с отрядом урядников, были избиты крестьянами старшина, становой пристав, исправник, хотя при этом имелись сценки такого характера:

«Следует заметить, — доносил губернатор, — что все удары исправнику наносились сзади, но когда исправник повертывался, чтобы заметить ударявшего, то стоявшие сзади почтительно снимали шапки».

Эта каррикатурная почтительность, конечно, не относится к уездной полиции. Крестьяне знали, что за исправником и урядниками неизбежно придут войска и что каждый, попавший на глаза начальству в момент «беспорядков», попадет на расправу как «зачинщик».

С приходом в села воинских команд, картина резко менялась — волость стояла на коленях, непокрытые головы покорно подставлялись под удары недавно выгнанных исправника или губернатора. Случаи, когда крестьяне пытались сопротивляться воинским командам — редки, а само сопротивление всегда стихийно и неорганизовано.

В Симбирской губернии в селе Дербетовском крестьяне отказались платить по окладным листам. Усмирять приехало губернское и уездное полицейское начальство с отрядом казаков. При аресте «наиболее упорствующих» толпа избила исправника, жандармского офицера, станового пристава, вице-губернатор отсиживался в поповском доме. Казаки, атакующие толпу, были отбиты. Не помогло и вмешательство посланного вице-губернатором попа.

Крестьяне вооружились вилами, баграми, крючьями и т. п., к ночи выставили караулы и послали нарочных в соседние села звать «на помощь против панов».

Когда начальство, ночью ускользнув из села, вернулось с подкреплением из 2 рот солдат, дербетовцы уже и не пытались сопротивляться («Юрид. вестн. 1881 г., № 1, хроника уголовного суда»).

В Таисинском уезде Подольской губернии крестьяне местечка Зяткевич захватили лес и выгон у графини Колоневской. Губернатор командировал 2 роты солдат. Войдя в местечко, команда арестовала вожака крестьян — Кажушаного. Кто-то из крестьян ударил в набат, собравшаяся толпа до 700 человек напала на команду, требуя освобождения Кажушаного. Чтобы не выдать арестованного крестьянам, жандармы поспешили отправить его в губернский город (Лоция, 1885 г., № 4).

В Виленской губернии, в Свенцяном уезде, крестьяне захватили у помещика Любанского сенокосные луга. При попытке арестовать «зачинщика», здесь вместе с полицией была избита и команда «из 75 чинов запаса». Рядом с палками, жердями крестьяне, особенно женщины, в ход пустили ножи. Тогда из Ошмянского уезда сюда были командированы 3 роты пехоты. Толпа встретила их у входа в деревню и перешла в наступление. Несколько солдат было ранено. Разделившись на несколько отрядов, команда обложила село со всех сторон и вошла в него, но при расквартировании солдатам пришлось во многих домах выбить двери, так как дома оказались запертыми и ни в один из них солдат не пустили добровольно (Лоция, 1887 г., № 8).

Настоящие сражения между крестьянами и войсками разыгрались уже в начале 90-х гг. в Ново-Московском и Павлоградском уездах Екатеринославской губернии. В 1892 г. крестьяне этих уездов отказались убивать заподозренный в заражении скот, прогнали эпизоотические комиссии и ветврачей, а когда оба уезда были объявлены на полувоенном положении, выступили с открытым сопротивлением войскам. При этом только в одном хуторе Павлоградском было убито 18 и ранено 12 крестьян и ранено 19 солдат. В подтверждение правоты своего дела павлоградские крестьяне «отказались хоронить убитых

на кладбище, желая похоронить их на месте схватки и построить тут часовню в память о павших братьях». (М. А. Р. деп. пол. 29, 1893 г., д. 37, ч. 4).

Приведенными фактами почти исчерпываются известные нам случаи, когда крестьяне пытаются оказывать сопротивление войскам.

У крестьян 80-х годов не было сил для успешной борьбы с остатками крепостничества и не было организации, способной руководить борьбой и вести к победе.

Не только выступления, возникающие в различных уездах губернии, но и волнения одного и того же уезда редко сколько-нибудь связаны между собой. Каждое село или волость выступают самостоятельно, не ожидая активной помощи от других сел и волостей, не оказывая такой поддержки и со своей стороны. Попытки координировать действия крестьянских обществ на большой территории мы видим только в описанном нами выше движении татар и башкир конца 70-х годов, но и здесь организация свелась к взаимной информации и к согласованию характера прошений и ходатайств. Выступление одного села часто являлось сигналом для выступления других сел, но никакой организационной связи между ними не устанавливалось и никаких действий, направленных к совместному отпору карательным отрядам, не было предпринято ни в одном случае крестьянских волнений.

Яркую картину неорганизованности и стихийности крестьянской борьбы представляют события, происшедшие в 1891 г. в Ковенской и Витебской губерниях. Началось движение в августе месяце сразу на огромной территории, прилегающей к Динабургско-Витебской и Варшавской железным дорогам (на протяжении около 400 километров). Толпы городской бедноты и крестьянства собирались на грунтовых дорогах и на железнодорожных станциях, чтобы не допустить вывоза хлеба за границу. Они заворачивали хлебные обозы, разгружали уже нагруженные рожью вагоны, выставляли к складам свою охрану и т. п.

Скоро начались драки крестьян с подводчиками и столкновения с полицией. Жандармские отряды оружием разгоняли собравшихся на станциях. Стычки с полицией возбудили народ и толкнули его на борьбу не только с хлеботорговцами, но и с «начальством».

В городах Полоцке, Витебской губернии и Шавли, Ковенской губернии были разгромлены полицейские участки. Произошли столкновения с войсками при попытках крестьян освободить своих арестованных вожаков. На станциях железных дорог и в городе Полоцке много крестьян было убито и ранено.

Моральным оправданием для своих выступлений крестьяне и здесь считали несуществующий царский указ о запрещении экспорта ржи. Такой указ Александром III был издан, но значительно позднее как результат этих массовых выступлений. В августе 1891 г. это неорганизованное движение правительство легко ликвидировало, спровоцировав еврейский погром. (М. А. Р. Д. П., 1891 г., № 66, ч. 26).

Более или менее организовать для борьбы крестьяне могли только внутри отдельных сел и волостей. На примере волнений татар Казанского уезда мы видели, что крестьяне создавали свои руководящие органы, смещая старост и волостных старшин, если они не поддерживали движения, и ставя на их место своих доверенных лиц.

Во многих случаях в таких смещениях не было нужды — старосты сами возглавляли движение: в ходе борьбы крестьянство использовало мирскую организацию, созданную в полицейских видах. Если по-чему-либо было невозможно использовать уже готовую организацию мирского и волостного «самоуправления», крестьяне бойкотировали его распоряжения, направляли свои удары против старост и старшин наравне с полицейскими чиновниками. Тогда во главе «мира» становились вожаки из самих крестьян — большей частью отставные «нижние чины», крестьяне, бывшие в городах на отхожих промыслах, просто более развитые — «бывалые люди». Совсем редко руководят «миром» в «беспорядках» муллы, писари или зажиточные — кулаки и ни в одном из известных нам фактов крестьянского движения не участвуют лица из народнических партий. Вожак «мира» — «поверенные» приобретали среди крестьян огромный авторитет, но опять-таки только внутри общины, волости.

V

Аграрное движение в пореформенное время и, в частности, в 80-е годы возникало на почве развивающегося капитализма прусского типа еще в предреволюционный период и поэтому ему наиболее свойственны те слабые стороны, которыми характеризуется классовая борьба мелких производителей. Это особенно ярко обнаруживается в политических настроениях крестьянства. За истекшие после реформы 20 лет крестьянство успело убедиться в противоположности их интересов интересам помещиков. Помещики, в представлении самых широких слоев крестьянства, — враг, грабящий крестьянские земли, восстанавливающий в виде кабалы зависимость крестьян от барина. С такой же ненавистью относится крестьянство к армии чиновников — от урядников до губернаторов, этих «переодетых мошенников», но подняться до сознания необходимости борьбы политической против самодержавно-крепостнической системы оно не смогло не только в 80-е годы, но и в позднейшее время, пока в борьбе с самодержавным строем впереди крестьянства не встали рабочий класс и его партия.

Крестьяне — татары Марьясинской волости в прошении «на высочайшее имя» писали: «Мы — мусульмане, признаем веру мусульманскую не вредною для политической жизни, мы, слабые рабы божьи и верноподданные его императорского величества, считаем себя семейством великой России, как есть одно неразделимое существо, и мы готовы приносить себя в жертву родине, т. е. защите государства и престола». Родина, в сознании крестьян 80 годов, еще сливалась с понятиями веры и «отечественного престола».

Крестьяне Орловского уезда, боровшиеся против отрезков 4 года, и о которых командированный на усмирение министерский чиновник писал в министерство внутренних дел, что «вятские крестьяне характера упорного и в земельных делах подчиняются только силе», покорно подчинились, как только их прошения на царское имя были возвращены им «гонцом государя императора». Крестьяне не понимали, что весь строй общественных отношений в деревне создан помещиками при помощи крепостнического самодержавия, не понимали взаимозависимости отдельных элементов этого строя.

Насколько было неразвито политическое сознание крестьян и как велико было это непонимание связи отдельных элементов полукрепостнической системы эксплуатации, показывает отношение крестьянской бедноты к общине и земельным переделам.

Общинные порядки задерживали рост капиталистических элементов в деревне.

Для бедноты община и связанные с нею «мирские» порядки были крайне тяжелы, потому что искусственно оставляли бедноту в деревне и толкали в кабалу помещикам и торгово-ростовщическому, кулацкому капиталу. Роль «мира» в общественном строе деревни хорошо определил один волостной старшина из Крестецкого уезда Новгородской губернии. В комиссии Валуева он говорил: «Ни один исправник не в состоянии поступить с неплательщиком так беспощадно, как поступает теперь мир». (Мат. комиссия, прил. 1, стр. 161).

Община была частью системы крепостнических пережитков, особенно тяжело отражавшихся на деревенской бедноте, но как раз эта разоряющаяся деревенская беднота борется за сохранение общины, за переделы наделной земли, пытаясь с помощью их отстоять свое положение, пусть голодных, но «самостоятельных» производителей. Общинные переделы сеяли среди крестьянства утопические иллюзии, надежды с помощью их сохранить в своих руках хотя бы эти жалкие клочки земли, сохранить их от расхищения деревенской мелкой буржуазией. Еще более далека от политической борьбы зажиточная верхушка деревни. На словах деревенский буржуа не прочь переделить помещичьи земли, взять их в свои «трудовые» руки, он, как говорит Энгельгард, активно сеет всякие слухи о переделе и т. п., но в душе к крестьянским мечтам о земле относится всегда скептически и предпочитает, если нельзя выгодно купить помещичьи земли, леса и т. п., методами ростовщичества, скупничества, захватами наделных земель поставить в зависимое от себя положение крестьянскую бедноту. На деле он наиболее верноподданный и свои симпатии к самодержавию выражает охотой за «социалистами» и «подстрекателями».

Характеризуя крестьянское движение конца 70 и 80-х годов и его политические настроения, нельзя обойти сектантское движение. Общий подъем крестьянских волнений сказывается в оживлении деятельности раскольников и в росте различных сект. По Югу России быстро распространяется и принимает для «православной» церкви угрожающие размеры штундизм, в других частях России возникают секты шелапутов, сютаевцев, нетовцев, немоляков и многие другие. Не случайно штундизм, наиболее распространенная и социально окрашенная секта, больше всего привился на юге, т. е. там, где было большее обострение крестьянской борьбы. Основную активную силу казачьих волнений Донской области составили также раскольники Хоперского округа.

Сектантское движение, как показатель роста революционных элементов среди крестьянства, отмечал и В. И. Ленин. «Известен факт, говорит он о пореформенном времени, — «роста в крестьянской среде сектанства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной обложкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России» (Ленин, т. II,

стр. 520). Но сектантское движение, являясь признаком нарастания политического протеста, одновременно является и ярким показателем политической отсталости крестьянства. На этой почве идеологической отсталости крестьянских масс самодержавие еще могло проводить демагогию царских милостей. Только в начале XX века, во время первой революции, когда крестьянство начало приобретать революционное сознание, и борьба в деревне против отдельных эксплуататоров стала перерастать в борьбу против всей самодержавно-крепостнической системы, правительство оставило надежду подчинить себе крестьянство, используя для этого его иллюзии вокруг царского имени.

Мелкособственническая разобщенность и неорганизованность, отсутствие революционного примера, и политического и организационного руководства крестьянством со стороны передового рабочего класса и его партии, и, с другой стороны, страшная сила самодержавного полицейского государства, — неизбежно порождали в крестьянстве 70—80 годов сознание бессилия и надежду на посторонних избавителей.

Крестьяне, когда они захватывая земли выставляли «передовыми отрядами» женщин (иногда вооруженных ножами), мотивируя это тем, что «для баб суда нет», или ободряли себя тем, что «за это в Сибирь не сошлют», понимали одно, что у них нет сил для успешной борьбы с помещичьим господством в деревне. В эпоху революции это толкало крестьянство на союз с рабочим классом, под руководство партии большевиков, а в 80-е годы «Сибирь» и военные команды в руках помещиков сдерживали крестьянские выступления, лишали их необходимой массовости.

В 80-е годы мы имеем лишь редкие случаи, когда в среде крестьянства начинает возникать что-то вроде политического сознания, колебавшего представления о справедливом царе.

Речь Александра III волостным старшинам во время коронации в 1883 году, повторявшую неоднократно министерские заявления о незаконности крестьянских притязаний на землю, чиновники и дворяне попытались широко использовать с целями агитации. К чему это повело, показали события в Н.-Московском уезде Екатеринославской губернии. Крестьяне, бывшие крепостные помещика Родзянко, явились толпой на двор Родзянко и потребовали отвода им в аренду хорошей земли, угрожая, что иначе захватят сами какую хотят землю, и если им будут препятствовать, то разнесут помещичий дом и двор. Родзянко уступил, но «случай не остался без влияния на соседних крестьян, послужив для них поводом домогаться увеличения земельного надела на счет владельцев». (Лоциа, 1883 г., д. № 3).

Екатеринославский губернатор еще до этого провел «кампанию», приказав зачитать речь Александра III по всем церквям и на сельских и волостных сходах.

Когда начались самовольные захваты крестьянами земель помещиков, губернатор не нашел на первое время лучшего средства агитации, как вновь зачитать крестьянам царскую речь. И вот, в ответ на царскую волю крестьяне, собранные с нескольких сел, «возражали, что если владельцы не войдут с ними в добровольные соглашения, они самовольно захватят у них землю, которая им (крестьянам) необходима,

что они считают несправедливым свое малоземелье при обширных земельных владениях помещиков» и даже — «дерзнули сказать, что в бозе почившие цари несправедливо наделяли своих верных слуг — дворян поместьями из земли, добытой их, крестьян, предками ценою крови».

На напоминание губернатора о «неусыпном попечении правительства о их, крестьян, благосостоянии, которое-де они не могли не усмотреть в учреждении крестьянского банка, а также в поставленном на очередь вопросе о переселении нуждающихся в земле крестьян», крестьяне продолжали возражать, что земля их бывших помещиков должна принадлежать им, крестьянам, и что «переселяются пусть помещики».

Губернский предводитель благородного дворянского сословия и губернатор уехали из села под крики толпы: «Пойдем брать помещичью землю, вернем ее насильно, если нам не отдадут ее добром».

Волостные старшины, вестники царской «милости», бывшие на коронации, при их попытках противодействовать крестьянам в захвате земель ссылками на царскую речь, кой-где (село Попелюцы Подольской губернии, например) были жестоко избиты крестьянами (Лоция, 1885 г., № 4). Усмирение именем самодержца губернаторам пришлось быстро остановить, потому что каждый такой случай являлся для крестьян настоящим уроком «политграмоты». В делах о «беспорядках» следующих годов мы уже не находим упоминаний о речи на коронации.

Характерно, что в эти же годы, когда результаты крестьянской реформы обнаружили с полной ясностью, широко распространились явления, бывшие ранее незаметными, явления, скорее из области бытовой, чем аграрных отношений. Я имею в виду дела «об оскорблении его величества» (Лоция, Госуд. совет. д. 3, № 63).

Государственный совет, вынужденный искать средств для борьбы с этими явлениями, в своих журналах дает по этому предмету следующие замечания:

«Возникновение сих дел стоит в ближайшем соотношении с такими событиями, которые потрясая до основания весь общественный организм, отражаются и на низших слоях. Вслед за печальною катастрофою 1 марта, число дел по оскорблению его величества сразу возросло».

В журналах государственного совета имеется следующая табличка: в апреле 1879 г. в министерство юстиции таких дел поступило 81, а в апреле 1880 г. — 165, в апреле 1881 г. — 400.400 дел за один месяц, 4800 дел в год по оскорблению «помазанника божия». «Дел этих так много, что по ним и судить невозможно по всей строгости закона» — такими замечаниями сопровождаются эти сведения в журнале совета. Государственный совет ставит эти дела в связь с «потрясающими обстоятельствами», но признает, что они возникают в «низших слоях» общества, среди «мастеровых» и крестьянства и не имеют никакой непосредственной связи с «революционными замыслами» социально революционной партии. Собственный опыт крестьян учил их видеть в помещиках только «верных царских слуг», которых цари жаловали землею, добытой крестьянами ценою их крови. Протест против

губернатора в Ново-Московском уезде и избивание старшин, убеждавших крестьян свежим царским словом, показывают, что крестьяне думали так не только о царях в «бозе почивших», но и о «благополучно царствующем». Рассеяние веры в справедливого царя заступника началось уже в 80-х годах. Но именно только началось.

VI

Несмотря на отсталость и забитость крестьянства, на его еще крепкие царистские иллюзии, крестьянское движение уже в 80-е годы встревожило и крепостническое дворянство и самодержавие. Предотвратить рост крестьянского политического сознания и революционности — к этому сводится весь смысл «крестьянской» политики самодержавия в 80-е годы, так называемых контрреформ.

Законы о семейных разделах, о найме рабочих на сельские работы, законы об укреплении общины, административная реформа 1889 г. (установление в деревнях земских начальников), законы о народном образовании и т. д. — все это выражало стремление самодержавия сохранить крестьянскую «патриархальность», его полусредневековое положение, «отнимавшее всякие надежды не только на победу, но и на борьбу класса угнетенных» (Ленин).

Всеми мерами реакционной политики самодержавию может быть и удалось «развратить политически» и «надуть» какие-то слои крестьянства, но оно было бессильно остановить рост крестьянской революционности, крестьянского движения. «Свободный сельский обыватель», еще более запертый в черте «крестьянской оседлости», отданный экономически в рабство дворян землевладельцев и кулаков, политически — в распоряжение уполномоченных уездных дворян и землевладельцев — земских начальников, уже в период проведения всех этих «реформ» начал понимать их настоящий смысл. Доказательством этого служит крестьянский ответ на установление в волостях власти земских начальников.

Введенные в деревню для прекращения аграрной борьбы земские начальники только обострили ее, явившись новым поводом для крестьянских выступлений. В нашу задачу не входит описывать крестьянскую борьбу против земских начальников — она лежит за хронологическими рамками темы. Мы ограничимся лишь попыткой показать на архивном материале, как была понята крестьянами новая реформа уже при ее проведении. Крестьянские протесты против земских начальников раздались, естественно, прежде всего из тех губерний юга, где опыт борьбы хоть сколько-нибудь научил крестьян за пышными фразами губернаторских речей и царских манифестов видеть реальную политику крепостников. Начальник полтавского жандармского управления и губернатор доносили по поводу проведения реформы, что крестьянство часто встречает новую власть враждебно и отказывается выполнять распоряжения земских начальников. В Кобелякском уезде, например, в Березовской волости сход отказал земскому начальнику в деньгах на содержание, ранее бесплатного, волостного суда. «Это и царь неправильно выдумал» — заявили крестьяне на сходе (Д. П. 1890 г., № 58, ч. 9).

В Харьковском уезде, в слободе Должик в том же 1890 г. при организации волостного суда (первое, что должны были провести земские начальники по вступлению в должность) развернулось настоящее сражение крестьян с войсками. Новый закон был прочитан крестьянам слободы накануне волостного схода. За ночь агитаторы из самих крестьян объяснили закон населению.

Волость решила не принимать к себе земского начальника и, когда на другой день крестьяне явились на сход и им было предложено выбрать волостных судей, сход ответил, что «пусть все будет по-старому». Не в меру ретивый земский начальник и его полицейская охрана были избиты.

Крестьяне послали жалобщиков к губернатору. В ответ в слободу прибыл сам губернатор с двумя сотнями казаков. Губернатору крестьяне заявили то же самое, что «нового закона не желают». Тогда казаки окружили сход и начали производить аресты. «В этот момент, — доносил жандармский начальник, — совершенно неожиданно из-за углов домов и построек выскочили жены крестьян и подростки с кольями, палками, вилами и бросились на казаков, нанося им удары и передавая колья мужьям. Казаки были отбиты и на ночлег должны были расположиться на площади, так как ночевать в дома крестьяне не пустили. «Пусть едут к графу Голицыну, он их вызвал», — было ответом крестьян. На помощь казакам губернатор прислал 400 солдат пехоты. (Д. П. 1890 г., № 5, ч. 44). С войсками пришлось вводить земского начальника в Ново-Московском уезде, в уже знакомой нам волости Попасной, так же «не желавшей принять новый закон». На волостном «буйном вече» — сходе, собравшемся самочинно, старик крестьянин так объяснял этот новый закон: «за переход курицей одного шага на помещичью землю, — говорил он, — крестьян будут штрафовать 50 р. серебром или 50 ударами розог. Для наказания розгами у панов уже изобретена машинка». Вся волость была убеждена, что законом о земских начальниках возвращается панщина. Земские начальники были для деревни еще загадочной фигурой, но крестьяне предвосхищали их практику. Но и поняв закон во всей его неприкрытой сущности, крестьяне — настолько крепка была еще даже в этом уезде вера в царя — попытались объяснить противоречие между идеальным «крестьянским» царем и попытками правительства возродить панщину, своим обычным способом — не признавать указ за подлинно царский, объявив его «выдумкой панов». Артиллерийский солдат запаса говорил на сходе, что в истинном царском законе должно быть велено сечь розгами не только крестьян, но и панов, так как слышал от самого царя, что все равны. Попасная грозила повторить Бездну 1861 г., поэтому над волостью была произведена быстрая и решительная расправа. На усмирение волости было послано более 1000 солдат, многие крестьяне были подвергнуты публичному телесному наказанию, волость как административная единица, была упразднена. (Д. П. 1890, 2 д. № 58).

Настроения крестьян во время введения земских начальников показывают также немногие крестьянские письма, сохранившиеся в архиве министерства внутренних дел. Вот, например, развитый, хоро-

по грамотный, судя по письму, крестьянин Степан Тарасенко—из таких выходили осторожные крестьянские агитаторы. Земский начальник для Тарасенко власть пока еще неизведанная, о ней он ничего определенного и не пишет, но уничтожением мирового суда и передачей его дел новому начальству он уже обеспокоен. Помещичьей демагогии о патриархальности крестьянского суда, немного реформированного будто бы для защиты бедных и сирот от деревенских хищников, он противопоставляет яркую картину того, как этот суд служит кулацким интересам. Ни малейшей надежды не высказывает он на то, что под опекой земских начальников волостной суд изменит свое лицо, как не высказывает и вообще ни малейшего энтузиазма по поводу нового узаконения. О себе он говорит, что пишет потому, что его «совесть мучила по поводу царского указа». «Всех очень удивило, — пишет он, — что земские начальники заменят мировых судей, да кроме того отойдет часть дел к волостным судам ... Волостной суд есть язва для бедного русского народа. Ни одно дело волостной суд не решает иначе, как только за водку и взятку, но только водка и взятка берется от богатого кулака мироеда и не было примера, чтобы правый бедный человек выиграл свое дело в волостном суде. Как известно, в каждом селении есть 20% богатых крестьян, а всякий богатый-крестьянин есть кулак и мироед... И эти то мироеды, что хотят то и-делают, из них же выбираются старшины, старосты, судьи» (М. В. Д., 1889, № 184, л. 2—5).

У другого крестьянина, писавшего министерству внутренних дел свой «отзыв» о земских начальниках примерно через год, уже нет и тени сомнения в оценке «народных попечителей».

«Господа министры, — пишет он, — вам вверена вся Россия. От ваших умов исходит добро и зло России. Отчего же это произошло, что земские начальники заменили кабатчиков? Прежде, когда еще не было земских начальников, говорили — вот будут земские начальники, они будут охранять крестьян и поддерживать нравственное и умственное состояние их, а появились земские начальники — ничего хорошего от них нет, да и ждать от них нечего. Они стали соучастниками кабатчиков».

Кончает свое письмо этот непрошенный, еле грамотный корреспондент министров, предусмотрительно не поставив под письмом ни адреса, ни подписи, прямой угрозой: «Впрочем, глядите, как вы знаете, а у нас все делается хуже с каждым днем... Правительство не хочет сделать крестьян и прочих жителей спокойными, все как-то угнетает. Вашим умам надо работать, если не будете, то будет очень худо» (то же дело, л. 123).

Крестьянское движение и крестьянская политическая идеология начала 90-х годов отличаются теми же слабостями, какие были присущи ему на протяжении всех 80-х годов, — разрозненные бунты против помещиков — панов и чиновников и мечтательное доверие к «высшему» правительству.

Помещичий, крепостнический характер правительства и самого царя воспринимается еще крестьянами в самой неясной форме. «Все как-то угнетают» — это могли бы сказать о самодержавии миллионы

крестьян, но ответить себе на вопрос — как угнетают, в чьих интересах, почему это возможно — не могли. Тот факт, что о реформе, которая, по существу своему, первые дни не могла резко затронуть крестьянскую жизнь, среди крестьян появились голоса, что и «царь может неправильно придумать», и что правительство «все угнетает» крестьян, да и «прочих жителей», означает, что в результате борьбы 80-х годов крестьянство все же шагнуло вперед и что перед ним уже встали, острые до муки, основные политические вопросы, которые оно еще не умеет решить, опутанное помещичьей и кулацкой эксплуатацией. В следующие десятилетия рабочий класс и партия большевиков разрешили эти муки политической совести крестьянства, но в конце 80-х и начале 90-х годов революционность крестьянских масс оставалась еще скорее потенциальной силой, только местами прорывающейся наружу сквозь стену самодержавия.

«Наличность в русском крестьянстве,—писал В. И. Ленин,—революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и проч. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников...

Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы несколько не преувеличиваем силу этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, несколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» и революционной борьбой, несколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян». (Ленин, т. II, стр. 520). О крестьянстве в революции 1905—1907 гг. Ленин писал:

«Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени, и монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию, ставили его в зависимость от либералов, а иногда и от черносотенцев, порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев, с целью полного уничтожения этого класса». (Ленин, т. XV, ст. 145).

Эти слова, сказанные о крестьянстве 1905—1907 гг., конечно, еще в большей степени могут быть отнесены к крестьянской борьбе предреволюционного времени. Несмотря, однако, на многие слабые стороны крестьянского движения, несмотря на то, что крестьянство, одурачиваемое правительством помещиков, часто оказывалось в зависимости даже от черносотенцев-реакционеров 80-х годов, общая революционно-демократическая тенденция крестьянства уже в 80-х годах ярко выразилась в многочисленных крестьянских «беспорядках».

«Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах». (Ленин, т. XV, стр. 146).

VII

Вызревание революционных элементов в крестьянских массах, этом промежуточном мелкобуржуазном классе капиталистического общества, стоит в прямой зависимости от того, что передовой рабочий класс и его партия берут на себя задачу его политического воспитания и организации. В этой связи, поскольку претендентами на руководство крестьянством выступали мелкобуржуазные народнические партии, необходимо уделить несколько внимания вопросу о связи этих последних с крестьянским движением 70-х и 80-х годов.

В 70-х и 80-х годах русский рабочий класс еще не выступил на историческую сцену как вполне сложившаяся, осознавшая себя политически и организованная сила. Не вполне оторвавшись от деревни, он еще нес в себе черты ее отсталой идеологии. Фабрично-заводские «мастеровые» были наиболее податливым материалом для революционной пропаганды, они организовали в 70-х годах свои первые классовые организации — союзы, из их среды многие лица были втянуты в народнические партии, рабочая стачка уже в 80-х годах стала «кошмаром для правительства», — но чтобы встать во главе деревни, повести ее за собой на борьбу с самодержавием — для этого у рабочего класса еще не было ни политического сознания, ни организации. До сознательной политической борьбы из среды рабочего класса к этому времени успел подняться лишь очень тонкий слой, сам еще далекий от революционного марксизма. Наиболее активным отрядом буржуазно-демократического фронта после 1861 г. поэтому явилась мелкобуржуазная интеллигенция и учащаяся молодежь.

В. И. Ленин говорил, что еще в начале шестидесятых годов для самодержавия была реальной угрозой союза городских «мещан и крестьян» с «революционерами», однако ни в шестидесятых годах, ни в последующие десятилетия эта угроза не стала реальным фактом классовой борьбы». (Ленин, т. IV, стр. 131 и след.).

Движение радикальной интеллигенции выросло на фоне закабаленной, разоряемой крепостниками и капитализмом деревни, но встать во главе крестьянства, организовать его стихийную борьбу за землю революционеры 70-х годов не могли. Мы не ставим себе задачей ни исследовать, ни описывать сколько-нибудь подробно народническое движение. Борьба народнической интеллигенции нас интересует в одном отношении, — насколько народники, этот наиболее активный отряд буржуазно-демократического движения того времени, стремились связаться с массами крестьян и насколько удалось народникам руководить борьбой этих масс.

«В народ» — было основным лозунгом революционеров 70-х годов. Субъективное стремление связаться с массами, поднять их на «социальную» революцию, на бунт вытекало у народников из веры в природную революционность мужика и в его социалистические инстинкты, из веры в историческую самобытность России. С этими утопическими

идеалами мелкого буржуа, протестующего против капиталистического развития страны, и направлялись отряды учащейся интеллигентной молодежи в деревни: одни — с целью пропаганды «социализма», другие — поднимать немедленный бунт против самодержавия и помещиков.

В 1875 г. в различных концах России правительством уже было выявлено и привлечено к различным видам ответственности до 770 пропагандистов, — ушедших «в народ» в 1874 г. У народников этого раннего периода движения были и вера в революционность народа, и стремление связаться с ним, и была попытка широкой пропаганды. Но «поход» в деревню 1874 — 1875 гг. не привел к цели, которую ставили себе пропагандисты и бунтари — поднять крестьянство на «социальную революцию» им не удалось. О том, какими чуждыми народу — крестьянству остались утопические взгляды «ходебщиков», зачастую выдаваемых полиции самими «природными социалистами» — крестьянами, хорошо рассказали сами участники движения в многочисленных мемуарах и записках. Неудачи «похода» разбили и у самих народников надежды на возможность поднять «социальную революцию» в два-три года, но первая неудача, пока что не разбила движения. Вера в революционность народа не была беспочвенной и поэтому она не могла пропасть после первых поражений даже у мелкобуржуазных революционеров, — деревня уже просыпалась для борьбы. Потерпев поражение в агитации за «социализм» решено было перейти к агитации вокруг «осознанных народом интересов», сквозь реакционный утопизм начало резче обозначаться основное содержание народничества — борьба за революционную чистку страны от остатков крепостничества. Были изменены и методы борьбы. Задачи более длительной пропаганды требовали устройства прочных опорных баз для нее — «поселений» революционеров в народе, организации нелегального издательского дела, организации сил революционеров в одну партию и т. п.

Такая партия — «Земля и Воля» и была создана в 1876 г. Были организованы тайные типографии, начала систематически выходить нелегальная газета, и т. д., но сколько-нибудь широкой сети «поселений» для длительной пропаганды в массах так и не возникло, а те, которые все же были организованы, просуществовали недолго. Кадров их вели в деревнях либо чисто культурническую деятельность одиночек, либо ту же пропаганду реакционного «социализма», даже не поставив задачи организовать и политически воспитывать крестьян в их повседневной борьбе с помещиками и их защитниками за землю, против податей и т. д.

Мелкобуржуазные утописты в теории, они и в практической борьбе, в тактике исходили не из объективного соотношения классовых сил, не из учета экономического и политического положения пореформенной деревни, не из данного, а из желаемого, из формул прогресса, идеалов и т. п. Революцию они все еще хотели делать вроде того, как хотел того Нечаев, по календарному плану: в мае начать агитацию, в октябре всех разагитировать, весной (из определенного по плану места) начать восстание и т. д.; а если план срывался, то вместе с этим пропадала и вера в недавнего кумира — народ с такой же легкостью, с какой многие и крестились в эту веру.

«Сама революция, — писал о народниках типа Лаврова Энгельс, — становится для них чем то вроде де́вы Марии, теория — верой, участие в движении — культом, а все действие происходит не на нашей грешной земле, а в заоблачных высотах общих фраз» (т. XV стр. 237, «Эмигрант. литература»).

Характерными чертами народничества этого первого периода Ленин считает то, что «ходебщики» и позднее землевольцы шли в народ, создали «превосходную организацию революционеров» («Что делать»), и, несмотря на их реакционный утопизм, отображали крестьянские революционно-демократические стремления. Но при положительном объективном содержании, реакционная сторона движения — мелкобуржуазный утопизм, неумение «связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (Ленин, т. IV, стр. 464) присущи и этому раннему этапу народничества. В этом основная причина того, что революционерам разночинцам не удалось связаться с массами, что массы не поддерживали их. Меньшевистские и либеральные историки совершенно не поняли, не хотели понять этого противоречивого двойственного характера народничества, а поэтому и неудачу их (народников) борьбы с самодержавием и крепостничеством они объясняли полным затишьем крестьянской борьбы в пореформенное время или, еще более — реакционностью крестьянства, являвшегося, по представлению Плеханова, например, оплотом самодержавной реакции.

Причины неудач «хождения в народ» 1874—1875 гг., и «поселений» — в порочности теории и тактики, с которыми шли народники в деревню. Народники не спланировали, а дезорганизовали массы крестьянства, своей пропагандой «социалистических» общинных порядков они только затушевывали действительные классовые антагонизмы в деревне, задерживали рост политического сознания масс. Отрицая революционную историческую роль рабочего класса, землевольцы вели и среди него ту же дезорганизаторскую борьбу, что и среди крестьянства.

Рабочее движение уже в 70-х годах развивалось вне положительного влияния мелкобуржуазных революционеров, более того — рабочее движение оформлялось вопреки народническим доктринам, в борьбе с ними. Первые рабочие союзы и их программы с наметившимся отходом от «русского социализма» в сторону принципов германской социал-демократии «Земля и Воля» встретила открыто враждебно. Пока существовал «Северно-русский рабочий союз», «Земля и Воля» не переставала критиковать его самостоятельную программу и тактику. Гибель «Северного союза рабочих», отход его руководителей к терроризму, длительный перерыв в создании рабочих организаций после развала Союза являются прямым выражением этой дезорганизующей деятельности народников среди рабочего класса.

В единственном известном нам значительном факте крестьянского движения 70-х годов, в котором приняли участие народники — Чигиринском деле, им удалось организовать «тайные крестьянские дружины» только по подложным документам от имени того же «доброго царя». Авантюристическая тактика самозванщины произвела на Чигиринщине глубоко деморализующее влияние: упорная борьба

крестьян, заставившая губернатора до прихода бунтарей дважды вводить в села уезда воинские команды, после разоблачения обмана крестьян «бунтарями» сразу же и надолго прекратилась.

Чигиринские волнения 1875 — 1876 гг., и другие многочисленные факты крестьянских волнений конца 70-х и 80-х годов имели огромное значение. Они показывали, что крестьянство не примирилось с реформой 1861 г., что оно неизбежно будет бороться и организовываться, как только у него проявится политическое сознание, рассеются иллюзии вокруг царской власти, появится хотя бы малейшая вера в возможность победы. Отсюда перед действительно революционной партией должны были бы встать задачи упорной, рассчитанной на длительный период борьбы по организации крестьянских масс и крестьянской бедноты прежде всего, по втягиванию этих масс в политическую борьбу на фактах повседневных столкновений интересов крестьянства с помещиками и самодержавием.

«Поселения» землевольцев как метод связи с массами крестьянства и агитации среди них на почве «осознанных народом интересов» не привились на сколько-нибудь широкой территории. Здесь имели значение, конечно, и правительственные репрессии, но не в них основная причина разочарования в народе и отрыва от него народников. Пренебрежение к массам свойственно признанным вождям и теоретикам движения разночинной интеллигенции еще до народовольства: Ткачев только развил мысли, высказанные уже Бакуниным и Лавровым. Бакунинский анархизм, апология мелкобуржуазного бунта, совершенно не понимает роли крестьянских масс в революции. Представляя крестьянство в виде лубочного богатыря, готового бунтовать в любой момент, анархизм выдвигал на первый план фигуру бунтаря-интеллигента.

Бакунин не договорил последнего слова — силу революционеров он еще видит в соединении их с народным бунтом. Гораздо дальше в этом отношении пошел Лавров: высидев в профессорском кабинете свой «идеал прогресса», единственными двигателями прогресса он признал «критически мыслящие личности». Отсюда был один шаг до Ткачева, объявившего массу историческим навозом. В неудачах революции, проводимой «по календарному плану», виновными оказывались народ, крестьянство. В то время, как неудачи в практике борьбы оттесняли уверенность в неизбежности крестьянской революции в ближайшие два-три года и вели к пессимистическим выводам, что «России вовсе не грозит крестьянская революция», вожди анархизма и субъективизма оформляли и оправдывали это разочарование «ходебщиков» и «бунтарей» теоретическими обобщениями о косности масс.

1878 г. — переломный в настроениях народников: почти религиозная вера в народ и его революционность уступала место полному разочарованию и безверию.

24 марта 1878 г. прозвучал выстрел В. Засулич в петербургского градоначальника Трепова. Произведенный как месть за истязания в тюрьме политических заключенных, он, тем не менее, положил начало открытой войне народников против самодержавия. Отрицание политической борьбы, как борьбы «буржуазной», начало оттесняться соз-

ванием, что нельзя же строить «крестьянский социализм» в условиях существующей политической системы. На почве старой утопической теории и разочарования в революционности крестьянства были поставлены новые практические задачи борьбы за свержение самодержавия, за конституцию и политические свободы.

Разочаровавшись в революционности масс, в возможности «реальной поддержки» с их стороны, народники все же не сразу скатились в болото реакционного мещанского социализма. В том, что народовольцы направили организацию на решительную борьбу с самодержавием «состоит... их великая, — говорит Ленин, — историческая заслуга». (Ленин, т. IV, стр. 464).

Реакционная сторона народовольства в утопии их теории и в том, что политическая борьба мелкобуржуазных революционеров, пренебрегавших массами, как историческим навозом, могла вылиться и вылилась в своеобразный поединок «социально-революционной партии» и правительства, сузилась до заговора.

Тактика народников конца 70-х и начала 80-х годов приобрела характер индивидуального террора. Анархическая теория надклассовости государства освящала этот метод борьбы.

«Превосходная организация революционеров» превратилась в узкую касту, массовая борьба была принесена в жертву террористическому революционаризму. После ряда покушений и убийств все силы партии были вынуждены сосредоточиться на убийстве «венчанного тихохода» — императора. С 1879 г. мы уже не видим народников, которые бы вели пропаганду в деревне. Их кадры ушли в столицы, о поселениях в партии не было больше и речи. Оставшиеся в деревнях прочно осели в них, но уже не как революционеры пропагандисты или бунтари, а как постоянные жители, сельская интеллигенция, культурники, кадры для мещанского «социализма».

Даже царские чиновники уже в самом начале поняли, что пропаганда «социально-революционной» партии далеко отстоит от деревни, от крестьянских масс. Из десятков архивных дел министерства внутренних дел по крестьянским волнениям мы только в одном случае имеем запрос министерства вятскому губернатору — не явились ли «беспорядки» в Орловском уезде делом подстрекателей из «социально-революционной» партии. При всем желании губернатора выставить неповиновение крестьян губернии результатом влияния интеллигентов, высланных в соседнюю с Посадской Вархошижемскую волость под надзор полиции, он вынужден был донести, что

«Нет оснований предполагать в данном случае какого-либо подстрекательства с политической целью», и что все показания «на разумное руководство» сводятся на местного «крестьянина», скупавшего лес и сплавлявшего его в низовья Волги». (Донесение от 16 декабря 1879 г.).

Выше мы уже указывали, что руководство крестьянскими волнениями 80-х годов осуществлялось «бывалыми» людьми из самих крестьян и ни в одном случае ими не руководили народники.

Программа народнического движения была в ее положительном содержании программой крестьянской ликвидации помещичьего зем-

левладения и кабальных форм эксплуатации. Но народники не могли связаться с массами и поднять крестьянство на восстание,— это объясняется тем, что они были мелко буржуазными, опиравшимися на утопическую реакционную теорию, революционерами. «Они и крестьян как следует не знали и не понимали» («Крат. курс истории ВКП(б)»).

Два потока одной и той же противокрепостнической борьбы не слились в единое общедемократическое движение—возможность союза городского мещанства и крестьянства с «молодыми людьми» второй раз не превратилась в действительность. Мелкобуржуазная партия, превратившаяся в замкнутую секту, оторванная от рабочего класса и окончательно оторвавшаяся с переходом к террору от крестьянства, сама не только не понимала необходимости такого союза, не только не боролась за него, но своей тактикой способствовала этому разрыву внутри демократического движения.

Не поддержанное массами народа движение мелко буржуазной интеллигенции с начала 80-х годов теряет последние остатки положительного, революционного содержания, все более вырождаясь в реакционный мещанский «социализм», отобразивший в своей практической программе интересы буржуазно-кулацкой части деревни. Само крестьянство, забитое многовековым гнетом, поставленное в условия полицейской диктатуры, разобщенное внутри различностью условий «освоения», расколовшееся на противоположные социальные группировки,—медленно стряхивало с себя веру в «верховного избавителя» царя.

«Крестьянство (речь шла об единоличном крестьянстве, ред.) несмотря на его многочисленность, является таким трудящимся классом, который связан с **наиболее отсталой** формой хозяйства,— мелким производством, ввиду чего оно не имеет и не может иметь большой будущности.

Крестьянство не только не растет как класс, а наоборот **распадается** из года в год на буржуазию (кулаки) и бедноту (пролетарии и полупролетарии). К тому же оно труднее поддается организации в силу своей распыленности и менее охотно идет в революционное движение в силу своего мелкособственнического положения, чем пролетариат». («Краткий курс истории ВКП(б)»).

Чтобы крестьянство смогло подняться от разрозненных бунтов против отдельных эксплуататоров и их слуг — чиновников на массовое восстание против самодержавия и помещичьего землевладения, для этого необходимо было его организовать, возглавить его повседневную борьбу и в ходе борьбы прояснить его политическое сознание. Эти задачи были поставлены и гениально разрешены только рабочим классом и партией Ленина — Сталина.

Разгромив враждебное марксизму, вредное для борьбы трудящихся народничество, буржуазную агентуру — меньшевиков, контрреволюционный троцкизм, мнимых «друзей народа», двурушников и предателей, русский рабочий класс и партия большевиков сумели поднять и организовать крестьянство, превратили его революционную энергию из потенциальной в реальную силу борьбы против помещиков и самодержавия и против буржуазии — за социализм.

Распространение крестьянских волнений по губерниям за 1881—1890 гг.
(по данным Д. П. 189 г. № 66, ч. 1)

Губернии	1881	82	83	84	85	86	87	88	89	90	Итого
Годы											
1. Архангельская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Астраханская	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	3
3. Бессарабская	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	2
4. Виленская	2	—	1	4	3	2	1	—	1	1	15
5. Витебская	1	—	2	2	1	2	—	1	—	—	9
6. Владимирская	—	—	1	—	—	—	—	2	6	—	9
7. Вологодская	—	—	2	—	—	5	1	3	—	—	11
8. Волынская	—	—	1	—	—	—	—	1	3	1	6
9. Вронская	—	—	2	1	2	1	—	3	1	1	11
10. Вятская	2	—	2	1	1	1	1	3	5	2	18
11. Гродненская	1	1	2	2	1	2	1	1	1	1	13
12. Донская обл.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
13. Екатеринославская	—	—	2	—	—	—	1	4	2	3	12
14. Казанская	1	—	—	—	—	1	1	4	—	2	9
15. Калужская	—	3	—	—	1	—	—	—	—	2	4
16. Киевская	—	—	2	2	—	—	2	5	3	—	14
17. Ковенская	2	1	1	—	—	—	4	1	2	—	11
18. Костромская	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	4
19. Курляндская	—	—	1	1	—	—	1	1	—	—	4
20. Курская	—	1	—	—	2	3	1	—	1	—	8
21. Лифляндская	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2
22. Минская	2	3	3	2	1	—	1	4	6	3	25
23. Могилевская	1	4	2	—	—	2	1	3	3	3	19
24. Московская	—	—	1	1	—	—	—	4	1	1	8
25. Нижегородская	2	—	1	1	2	—	—	1	—	—	7
26. Новгородская	—	—	—	2	1	—	—	—	2	3	8
27. Олонецкая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
28. Оренбургская	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	3
29. Орловская	—	2	5	1	1	1	—	2	3	—	15
30. Пензенская	—	—	—	2	—	1	—	—	1	—	4
31. Пермская	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	3
32. Подольская	—	—	1	4	3	2	2	3	8	1	24
33. Полтавская	1	—	2	6	—	—	—	4	2	5	21
34. Псковская	—	2	1	3	—	—	—	2	—	—	8
35. Рязанская	1	1	2	—	—	2	1	1	2	—	10
36. Самарская	—	1	—	—	—	2	—	3	—	1	7
37. С.-Петербургская	—	—	—	1	—	1	—	1	—	1	4
38. Саратовская	—	—	—	2	—	1	—	—	—	1	5
39. Симбирская	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2
40. Смоленская	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	2
41. Таврическая	—	—	—	1	1	3	—	4	3	1	13
42. Тамбовская	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
43. Тверская	—	—	—	2	2	2	1	—	3	1	11
44. Тульская	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	2
45. Уфимская	—	—	—	1	3	1	4	4	6	4	23
46. Харьковская	—	—	1	3	—	1	1	—	1	1	8
47. Херсонская	—	—	1	1	2	—	1	1	1	—	7
48. Черниговская	—	—	2	5	1	2	1	1	1	—	13
49. Эстляндская	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
50. Ярославская	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
Итого по губерн. Европ. России	16	20	45	53	*30	40	29	76	74	41	424

Губернии	1881	82	83	84	85	86	87	88	89	90	Итого
Годы											
Царство Польское (Губ. Варш., Калиш., Келецк., Ломж., Любл., Петроков., Радом., Сувалк., Седлец.) . . .	1	1	15	14	8	13	5	12	15	10	94
Кавказ Бакинск., Дагест. обл., Елисавет., Закатал. окр. Карск. обл., Кубанская обл. Кутаисск., Ставроп., Терская обл., Тифлисс., Черномор., Эриванск.) .	—	—	—	—	1	—	—	3	2	4	10
Сибирь (Амурск., Енисейск., Забайк. обл., Иркут., Приморск., Тобольск., Томская, Якутск. обл.) . .	—	—	1	1	1	—	—	2	2	4	11
Средняя Азия (Акм., Аму-Дар., Зак. обл., Зеравшанский окр., Семипалатин. обл., Сыр-Дар., Тургайск., Уральская, Ферганск. обл.) .	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Всего	17	21	61	68	40	53	34	94	94	59	541